

Дмитрий Иванович Яворницкий

История города Екатеринослава

Глава I

Город Екатеринослав - всецело творение князя Г. А. Потемкина. Князь Потемкин, известный фаворит Екатерины II, находясь на высоте своей славы и своего могущества, подал императрице *«смелый до дерзости»*, как тогда писали, свой проект об изгнании турок из Европы, чего не могли сделать все европейские монархи Западной Европы в средние века, во время крестовых походов. Потемкин хотел пробить окно на восток, в Азию, как царь Петр I прорубил окно в Европу. Увлеченная «проектом» кн. Потемкина, Екатерина II, признававшая его гениальным человеком, решила посадить на угасший трон византийских императоров одного из своих внуков и дать ему имя Константин, которое бы напоминало императора Константина Палеолога, героически защищавшего столицу Константинополь в 1453 году от несметных полчищ турецких. Маленькому великому князю Константину Павловичу дана была даже в кормилицы гречанка Елена Корданова.

Но богатый и чарующий восток с его золотом, порфирами, виссонами, миртами, пальмами, сикоморами — это только в будущем, только в перспективе. Нужно было прежде всего завладеть турецкими крепостями, которые стояли на низовье Днепра, по обоим его берегам, и заграждали русским путь в Черное море. Это были Очаков, Кызыкермень, Арсланкермень, Мубереккермень, Кинбурн. Туда и направлены были прежде всего российские войска.

Вместе с российскими войсками там же действовало в течение четырех лет – 1771-1774 и запорожское войско. А как действовали запорожцы, видно из того, что в 1771 году за особые военные подвиги запорожский полковник Афанасий Колпак и его есаул Евстафий Кобеляк *«милостиво были пожалованы»* каждый золотую медалью для ношения на шее на Андреевской ленте. Сам кошевой атаман П. И. Калнишевский в это же время очень успешно действовал возле р. Буга.

Подвиги запорожцев вполне были оценены Екатериною II, и тогда в Запорожскую Сечь на имя кошевого атамана Калнишевского послана была грамота, в которой царица писала: *«Получа рапорт ваш от 5 минувшего ноября о прибытии вашем с войском в Сечь, не могла оставить, чтоб не изывить вам, кошевой атаман, и всему войску нашего императорского благоволения за оказанную нам в течение минувшей компании, при маскировании города Очакова, службу и отменную ко оной ревность и усердие. Мы несомненно надеемся, что сие похвальное и нам верноподданное войско запорожское не оставит и впредь во всяком случае службы нашей оказывать испытанного своего сколько усердия, сколько же мужества и храбрости, каковыми оно до сего в целом свете славится, а тем самым усугубить наше благоволение. Декабря 2 дня 1771 года»*.

В 1772 году запорожское войско, продолжая оказывать свое усердие и мужество, также выступало вместе с российским войском против татар и турок. Отличился тот же полковник Афанасий Колпак с другими козацкими полковниками и старшинами.

В этом же 1772 году запорожцы впервые увидели и кн. Потемкина. В то время кн. Потемкин, еще в чине генерал-майора, служил в 1-й действующей армии под начальством графа Румянцева и имел при себе несколько запорожских Козаков и двух старшин, из коих одному, а именно Якову Троневицу, исходатайствовал золотую медаль.

Храбрость запорожских Козаков, их молодечество и веселость так понравились кн.

Потемкину, что он решил записаться в запорожский Куцевский курень, вследствие чего обратился с письмом к кошевому атаману запорожского войска П. И. Калнишевскому. Называя его милостивым батьком и уверяя в своей любви ко всему запорожскому войску, он просил записать его в козацкий реестр. *«Не оставьте, вельможный пане, милостивым батьковским адресом (ответом) в сем меня. Вашей вельможности милостивого батька всегда готовый слуга Грыгорий Потемкин. 15 апреля 1772 года».*

В ответ на такое письмо кн. Потемкина кошевой атаман П. И. Калнишевский писал ему: *«Почтеннейшее В. П. писание имели мы честь получить в день счастливого случая и тем, что оный застал и нас готовых последовать с удовольствием вашему прошению. Коего во исполнение открытый лист, сие есть аттестат (на прием в казаки), где препровождая товарищем здешнего войска, куреня Куцевского, поздравляя, покорно просим не оставлять вашу милостью и войска запорожского при всех случаях. 25 мая 1772г.».*

Князь Потемкин отвечал: *«Аттестат ваш чрез Василия Чернявского получил, за что вам искренне благодаря, прошу взаимно и мой гостинец благосклонно принять, который есть первый знак моего усердия, покуда дойдет мне случай действительно показать, сколько я есть. Вельможного Пана милостивого государя покорный слуга Григорий Потемкин».*

Пользуясь своим обыкновением давать новую кличку каждому, кто вступал в Запорожскую Сечь, запорожцы прозвали кн. Потемкина Нечесою, глядя на тот парик, который он носил согласно моде того времени. Не понимая того или придуриваясь, что не понимают, запорожцы и прозвали Потемкина Грицьком Нечесою.

Продолжая действовать против турок, запорожцы были в 1773 году под Очаковым и под Кинбурном под командой того же храброго и отважного полковника Афанасия Колпака.

В следующем 1774 году полковник Афанасий Колпак сперва был под Очаковым, а потом был переброшен под Перекоп, до Колончака; везде он действовал с большим успехом, громил и разбивал турок. В этом же 1774 году запорожское войско получило приятное известие о том, что кн. Потемкин высочайшим указом назначен был генерал-губернатором Новороссийской губернии и *«главным командиром войск тамо поселенных».* Запорожцы очень обрадовались такому высокому назначению своего сотоварища и ждали от него всех благ.

В том же 1774 году пришло другое известие: в ночь с 21 на 22 число июля месяца прибыл из главной квартиры гр. Румянцева в село Кучкж-Кайнарджи курьер и привез радостную весть о том, что между двумя империями, Россией и Турцией, заключен был вечный мир июля 10 числа.

Тогда князь В. М. Долгорукий, действовавший против крымского хана, отправляя свою армию в отечество, на прощанье с запорожцами послал кошевому атаману П. И. Калнишевскому такой ордер: *«По заключении теперь с Портою Оттоманскою вечного мира, вам, господин кошевой, и всему войску запорожскому изъявляя достодолжную благодарность за мужественное в минувшую войну противу неприятеля устремление, рекомендую с получения сего следовать немедленно в свои селения и войско распустить в дома - так как и пехоту внизу Днепра на лодках состоящую».*

О полковнике Афанасии Федоровиче Колпаке кн. В. М. Долгорукий писал кошевому атаману особо: *«Отправляя ныне к войску полковника Колпака, считаю за должное отдать полную справедливость самому ревностному и усердному к службе Ея Императорского Величества старшине, а как о его храбрых поступках вы, господин кошевой, старшина и войско известны, то остается мне заключить сие принесением отменной ему похвалы за доброе поведение, храбрые дела и усердную службу. Из Перекопа 24 августа 1774 года».*

Итак, тяжелая и продолжительная русско-турецкая война окончилась. Запорожцы, принимавшие в ней самое горячее и самое живое участие, вправе могли ожидать милости от царицы и внимания от светлейшего князя Потемкина, сотоварища своего по Кушевскому куреню. Но как однако ж горько, как жестоко они обманулись в своих ожиданиях! После окончания войны России с Турцией они были уже не нужны ни царице, ни Потемкину, и потому не прошло и года, как с ними заговорили совершенно другим языком. Они оказались «грабителями, разорителями, убийцами, разбойниками, ослушниками царских указов». «Сперва ведя холостую, праздную и безопасную жизнь, они затем стали заводить собственное хлебопашество, тем разтортали самое основание зависимости от престола нашего и помышляли конечно составить из себя, посреди отечества, область совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением».

Какие же были причины такой внезапной и неожиданной перемены суждения о запорожцах Екатерины II? Причины видны в самом указе царицы. Прежде всего нужно сказать, что Запорожье было своего рода государство в государстве. Государство без царя, без бояр, без приказных, государство, не допускавшее у себя крепостного ига. Запорожцы называли все свои земли вольностями и о себе говорили: *«Ми веселі, бо над нами нема стелі»*, то есть мы всегда живем весело, потому что не знаем никакого давления свыше. В дальнейшем при благоприятных обстоятельствах вольная Запорожская Сечь могла сделаться ядром такого вольного народоправства, какое было некогда в вольных городах Новгороде и Пскове и с каким долго пришлось бороться Москве. А могла ли терпеть Екатерина такое народоправство в России, создавая, так сказать, перепроизводство дворянства с его крепостничеством и получившая название у народа *«царица паньсков»* по преимуществу? Для такой царицы Запорожье было темным пятном на светлом ее оке.

Это была первая причина, почему Екатерина II нашла необходимым уничтожить Запорожскую Сечь.

Была и другая причина.

Воюя целые годы, целые века то с татарами, то с турками, то с поляками, запорожцы долго и главным образом довольствовались военными «добутками» и мало «укидались у свою власну землю». Теперь, после заключения с Турцией в 1774 году «вечного мира», запорожское войско должно было перейти на свои хлеба. А для того нужно было постепенно перестроить свой военный строй на земледельческий. Это сразу уразумели благомыслящие «батьки» запорожского войска, во главе которых стоял умный и дальновидный кошевой атаман Петро Иванович Калнишевский. Поддаваясь внушению рассудительных войсковых старшин, козаки все более и более стали менять свои сабли на плуги и все усерднее и усерднее «нахилялись до хліборобства». Это и встревожило царицу Екатерину II.

Кроме того, самый край запорожский с его неисчерпаемым богатством, с его рыболовными реками Днепром, Бугом и другими, с его раздольными степями, роскошными пастбищами, все это не могло не привлекать к себе российских дворян-рабовладельцев. Они давно «зазіхали» на запорожский край и, «зазіхаючи», старались внушить мысли царице уничтожить Запорожскую Сечь и землю даровать дворянству.

Поводом к уничтожению Запорожской Сечи послужили бесконечные жалобы Екатерине II на запорожцев со стороны иноземных выходцев, которые вызваны были в Россию еще в царствование Елизаветы Петровны и своими поселениями заняли восточные и западные окраины запорожских вольностей, основав на западе Елисаветград, на востоке Луганск. То были болгары, румыны, венгры, сербы, известные под общим наименованием ново-сербов и славяно-сербов. Они сдавливали запорожцев с двух сторон, как сдавливает человека огромного размера гад своими кольцами.

Неточные размежевания земельных границ между пришельцами и запорожцами вызывали часто споры, переходившие в драки, и даже убийства с одной и с другой стороны. Оберегая свои вольности от захватчиков, запорожцы посылали в столицу жалобы за жалобами. Но где же им, малым людям, было бороться с такими великими людьми, как Хорваты, Милорадовичи, Депрерадовичи, Шевичи и другие, которые, перейдя из заграницы в Россию, скоро получали и землю, и высокие чины и имели доступ до самого царского престола. В столице запорожцев трактовали как диких людей, как грабителей, как убийц, которые должны подлежать политической каре.

Это и привело к тому, что в 1775 году 4 июня Запорожской Сечи не стало.

После падения Сечи устройство Новороссийского края возложено было на генерал-губернатора кн. Потемкина.

С чего же он начал?

Он начал прежде всего с раздачи запорожских земель пришлым людям, исключительно панству... *«Разделите ризы мои и об одежде моей меташа жребий»*,— говорили запорожцы устами псалмопевца, покидая родной край и обливаясь горькими слезами.

Бывшее Запорожье уже именуется не Запорожьем, а Славянскою и Херсонскою провинциями. «Место, где была Запорожская Сечь, именовать на словах и на письме городом Покровским. По прежнему правлению называемые курени, со всякими к ним пристройками, именовать отныне казенными казармами для постою, следственно и принадлежащая к ним в базаре крамные лавки, шинки с ледниками и погребами, сколько б их не было, именуются отныне не куренными, а казенными, для найму состоящими, почему и доход с них надлежит в казну, впредь до рассмотрения, на нынешнем основании».

Ввиду раздачи запорожских угодий панству, нужно было иметь под руками точную карту всего бывшего Запорожья. Поэтому князь Потемкин 18 июня 1775 года предписал генерал-поручику Петру Текелию, чтобы он немедленно приказал Новороссийскому генерал-губернатору В. М. Муромцеву «снять верную карту Сечи Запорожской и их бывшего владения через знающих офицеров; в недостатке сих офицеров прикажите требовать из армии от господина Нефедьева»

Ежа Получив такой приказ от кн. Потемкина, генерал-майор В. М. Муромцев поручил со своей стороны дивизион-квартирмейстеру Федорову спуститься от места бывшей Запорожской Сечи вниз по правому берегу Днепра, причем во время спуска приказано было «примечать», есть ли на островах Днепра лес, какие речки впадают в Днепр и нет ли по лесу или кустарников, или камышей. По левому берегу Днепра приказано было спуститься подполковнику Мисюреву.

Была ли составлена такая карта Запорожской Сечи и всех владений запорожского края— неизвестно. Известно лишь то, что было сделано в этом отношении подполковником Петром Норовым. Еще во время существования Запорожской Сечи при ней находился так называемый русский Новосеченский ретраншемент, в котором помещался гарнизон из двухротной команды. Когда вместо Сечи стал город Покровск, тогда комендантом Покровска временно, по представлению генерал-майора В. М. Муромцева, назначен был подполковник Петр Норов Ингерманландского полка. Норов собрал в 1775 году «точные сведения о слободах и зимовниках в бывших вольностях запорожских Козаков и учредил в поселениях особых смотрителей» 2. Какие были те сведения - это тоже осталось неизвестным.

Неизвестно, когда именно началась раздача запорожских земель: в самый ли год падения

Сечи, то есть в 1775, или же в следующем 1776 году. Дошедшая до нас «Ведомость об отведении помещикам земель в Екатеринославском уезде» помечена 1776 годом 3. Следует сказать то, что большие чины получали и большие участки, меньшие чины — меньшие участки земли.

Давались в одни руки участки в 500 десятин, 1000, 1200, 8000, 10 000, 15 000, 20 000, 21 000 десятин. Генерал-прокурор князь А. А. Вяземский и генерал-фельдмаршал князь А. А. Прозоровский получили каждый по 100 000 десятин.

Сколько захватил себе сам светлейший князь Г. А. Потемкин, неизвестно. Известно только то, что в 1788 году он писал Екатеринославскому губернатору В. В. Коховскому такой приказ; *«В прошлом 1787 году предложено от меня Екатеринославскому наместническому правлению отвести Александрийского уезда, Глинской округи, при урочищах вершин речек Бересовки и Макарихи состоящую в казенном ведомстве землю и лес 1100 десятин господина действительного тайного советника обер-шталмейстера и кавалера Льва Александровича Нарышкина супруге Марине Осиповне Нарышкиной. Но как доньше от нея для принятия той земли и леса не прислано поверенного с законною доверенностью, и потому она остается без всякой казне прибыли, то предписываю вашему превосходительству приказать оставить означенной лес с землею за мною и, отмежевав формально, выдать мне план и узаконенные документы на вечное и потомственное владение».*

В 1789 году января 21 дня князь Потемкин писал Екатеринославской казенной палате такое «предложение»: *«В прошедшем 1788 году, во время владения моего деревнею Самоуканею, написанных во оной, по последней ревизии, крестьян породы малороссийской мужеска 229, женска 190, а обоего пола 419 душ, подарил я умершему господину генерал-майору и кавалеру Ивану Максимовичу Синельникову вечно потомственное его владение, а землю со всеми строениями и заведениями отдал я напоследок с прочими и с купленными в наместничестве Екатеринославском, под именем моим, деревнями в казенное ведомство. И как сии крестьяне тогда же им Синельниковым переведены в его деревни, состоящие в уездах Екатеринославском и Новомосковском, то предлагаю Екатеринославской казенной палате означенное число душ, исключая из деревни Самоукани 2, причислить в те самые умершего генерал-майора и кавалера Синельникова деревни, в которые им оные люди переведены и поселены, считая их за наследниками его».*

Для раздачи земли имелась особая комиссия. По этой комиссии прежде всего земля давалась только дворянам;

крестьяне и однодворцы земли не получали. Землю получили и большие господа и мелкие чиновники, коллежские регистраторы, секунд-майоры, архивисты. Всем тем, кому давалась земля, давалась льгота на 10 лет от всяких податей, и только после 10 лет нужно было вносить в казну плату «по пяти денег», то есть по 2 копейки от десятины. Если кто успел поселить на полученной им земле в количестве 1500 десятин 13 дворов, тот делался полным собственником ее и мог продать или заложить землю, кому он пожелает. И не только русским — земля давалась и разным чужестранцам, если только они принимали русское подданство и приносили в том присягу.

Русское правительство стало зазывать в Россию иностранных колонистов «для расширения в ней торговли и промышленности», как это говорилось в манифесте еще императрицы Елизаветы Петровны. Но Елизавета Петровна, не любившая немцев, заселяла окраины запорожских вольностей только так называемыми «славянами». При Екатерине II, после падения Сечи, повалили в бывшее Запорожье иноземцы разных национальностей и больше всего немцы. Это были болгары, греки, грузины, армяне, калмыки, немцы, молдаване, валахи, евреи.

Прежде всего, а именно в 1776 году, пришли болгары из Силистрии и поселились по трем речкам Ташлыккам, по речке Выси и по Великому Ингулу, а впоследствии, а именно в 1801 году, часть болгар оселась и по Днепру.

Далее в 1778 году прибыли в бывшие запорожские вольности так называемые крымские греки, то есть остатки готов, уцелевшие в Крыму, потом настоящие анатолийские греки и греки с острова Минорки. Одних крымских греков было не меньше 20 000 человек. Они основали 20 селений по рр. Калмиусу, Кальчике и Калке и по северному берегу Азовского моря. На северном берегу Азовского моря они же основали город, назвав его, как говорят, в честь богоматери Марии Мариуполем. Греки, вышедшие с острова Минорки, поселились на южной окраине бывшей у запорожцев Самарской паланки, теперь Павлоградского уезда. Им выдали хлеб, скот и деньги на первое обзаведение.

В 1779 году в земли бывшего Запорожья переселились, по грамоте от 14 дня месяца ноября, греки, грузины и армяне григорианского и католического вероисповедания, вышедшие под начальством митрополита Игнатия, архимандрита Маргоса и патера Иакова. Весь этот вывод христиан обошелся правительству в 250 тысяч рублей. Число вышедших обою пола было 31 386 душ. Из этих переселенцев армянские переселенцы, поселенные патером Иаковым в предместье Екатеринослава I, спустя несколько лет, когда в Крыму воцарился мир, переселились в город Карасубазар.

В 1782 году вместо бывшего Запорожья, потом Екатеринославского наместничества, переселены были с уральской степи калмыки, в числе 459 человек мужского пола и 439 душ женского.

В 1786 году на запорожские пепелища пришла первая партия немцев-колонистов, о привлечении которых особенно хлопотал князь Потемкин и сама Екатерина. Немцам давались лучшие места в Екатеринославском, Александровском, Новомосковском уездах. Граф Румянцев-Задунайский во время пребывания своего за границей в Семилетнюю войну обратил свое внимание на обитавших в Пруссии, особенно около Данцига и Ельбинга, немцев-меннонитов, приобретших славу хороших скотоводов, и по возвращении в Россию доложил о том императрице Екатерине. Зная, что с увеличением населения меннонитов им потребуются более обширные и более плодородные земли, нежели те, какие были в Западной Европе, русское правительство Екатерины II отправило в Пруссию коллежского советника Траппе с поручением пригласить меннонитов в обширный, богатый степями Новороссийский край. Меннониты заключили с русским правительством условия и после того в 1786 году, в числе 500 человек мужчин и 400 женщин, потом в 1789 году в числе

228 семейств, прибыли в Новороссийский край. Сперва переселенцев поселили на р. Конке, а потом дали им землю на острове Большая Хортица и на правом берегу Днепра, немного выше острова, по 65 десятин на душу. В названных местах переселенцы основали 8 колоний под названием «Хортицкого округа». В 1790 году по ордеру князя Потемкина от 23 числа месяца июня этим колонистам позволено было по их просьбе перевезти из города Новомосковска, где они раньше оселись, две небольшие церкви, оставшиеся там впусе после ухода оттуда греков и армян, когда и самое имя Екатеринослав I совершенно исчезло и вместо него возникла в 1789—1790гг. колония Юзефсталь. В 1793 году пришла новая партия немецких переселенцев в числе 273 душ обою пола. Они сперва поселились в Старом Кодаке, а потом основали селение Ямбург в 17 верстах от города Екатеринослава.

В 1788, 1789 и 1792 годах прибыли в Екатеринославскую губернию из разоренных сел Слободзел и Караташа молдаван 159 человек, из Коротной волохов 31 человек да из слободы Яски — 25 человек, всего 215. В 1792 году, уже после смерти кн. Потемкина, сама Екатерина писала: *«Молдавские бояре, в подданство наше поступившие, заслуживают к получению там*

(т. е. в Новороссии) земель особенное уважение».

В 1793 году в бывшие вольности запорожских Козаков устремились и евреи, которых императрица Елизавета Петровна всячески не пускала в Россию. При Екатерине II они прибыли в Новороссийский край после второго раздела Польши, когда России достались Белоруссия и Южная Русь, кроме западной части Волыни.

Всем иноземным переселенцам отпущено было из казны на первых порах на вспомоществование 250 000 рублей.

Кроме иноземных переселенцев, в бывший запорожский край переводились переселенцы и из Великой России. Так, из малоземельных великороссийских губерний переселены были на казенный счет экономические и государственные крестьяне. Помещики, получившие земли в Новороссийском крае, часто переселяли туда крестьян из собственных великороссийских вотчин. Стародубовским и елизаветским старообрядцам позволено было поселиться на левом берегу Днепра при впадении в него р. Белозерки, где они основали большое село Белозерку. Позволено было поселяться и разным сектантам, каковы молоканы и духоборы. Иногда в Новороссийский край выселялись и преступники после понесенных ими наказаний.

До 1784 года было роздано запорожской земли всего 4 470 302 десятины.

Глава II

Вместе с раздачею запорожской земли началась постройка новых в крае городов, каковы: Херсон, Екатеринослав, Николаев и другие. Все постройки должны были возводиться не только в широких, а в гигантских размерах. Но из всех городов Екатеринослав должен был прославить императрицу Екатерину II и увековечить ее имя навсегда. Для основания Екатеринослава сперва избрано было место при впадении речки Кильчени в левый приток Днепра — в р. Самару, где стояло селение Лошаковка, иначе на 3 версты выше Старосамарского ретраншементы или Богородицкой крепости, по-теперешнему на 5 верст выше Самарского железнодорожного моста. Основание городу положил в 1777 году **губернатор В. А. Чертков**, место самое удобное, по его мнению, для подхода к нему разных судов.

Мая 10 числа 1778 года архиереем Евгением Булгарисом была заложена в указанном месте церковь в память сошествия святого духа на апостолов, которая сооружалась казенными людьми из казенного леса и была окончена октября 14 дня. В начале июня того же 1778 года губернатор В. А. Чертков перебрался в новый город со всеми отделениями азовской губернской канцелярии.

В 1782 году город Екатеринослав считал в себе 2194 души населения, имел четыре церкви — русскую, греческую, католическую и армянскую, имел два училища для детей дворян и разночинцев, которые обучались в них российской грамматике, катехизису, немецкому, французскому и турецкому языкам, затем арифметике, геометрии, истории, инструментальной и вокальной музыке. Для привлечения в город торговых людей открыты были четыре ярмарки. Кроме того, по воскресным дням дозволено было устраивать торги, на которые приезжали не только окрестные жители, но и продавцы из Крымского полуострова.

В **марте месяце 1783 года** в новый город Екатеринослав, по приказу императрицы Екатерины II, послан был в распоряжение князя Потемкина знаменитый в свое время художник-архитектор М. Ф. Казаков «для исправления порученного дела». Казаков отправился

в Екатеринослав со своим помощником Иваном Еготовым, а вверенную ему практику и архитектурскую команду отдал «в смотрение» другому помощнику, прапорщику Поливанову. В Екатеринославе Казаков пробыл до декабря того же года, а затем «за болезнью» снова был отправлен в Москву. Будучи в Екатеринославе, Казаков принимал деятельное участие в плане застройки нового города. Однако место, выбранное губернатором В. А. Чертковым, оказалось для жилья непригодным. Во-первых, оно ежегодно затоплялось весеннею водой; весенние воды оставляли в нем после себя гнилые болота, которые губительно действовали на здоровье людей. Во-вторых, судоходность р. Самары оказалась столь слабая, что к городу могли подходить только слишком малые торговые суда, а большие совсем не могли подходить.

О таких неудобствах местоположения Екатеринослава было сообщено в столицу, и тогда для осмотра города и его окрестностей из столицы был командирован штаб-доктор Шенфогель. Шенфогель по приезде на место произвел осмотр города и со своей стороны указал на все неудобства и на вредную для жителей местность, на которой стоял город.

Тогда город Екатеринослав I приказано было перенести на более возвышенное место к Богородичному ретраншементу, что тоже Старая Самара, наименовать его уездным городом Новомосковском. Он сел на место Новоселицы и «поглотил собой эту слободу».

Тем временем указами от 30 марта 1783 года и от 22 января 1784 года Екатерина II вместо бывших губерний Новороссийской и Азовской повелела открыть Екатеринославское наместничество из 15 уездов и назначила правителем его генерал-поручика Т. И. Тутолмина. Место для устройства города Екатеринослава II повелевала избрать на правом берегу Днепра, там, где укажет его светлость генерал-губернатор Екатеринославский, Саратовский и Астраханский кн. Г. А. Потемкин.

Князь Потемкин выбрал место для Екатеринослава на правом берегу Днепра, там, где была запорожская слобода Половица, между слободами Новым и Старым Кодаками и, удалив генерал-поручика Т. И. Тутолмина, назначил вместо него бригадира, потом генерал-майора И. М. Синельникова. Синельников временно должен был пребывать в городе Кременчуге, как и наместническое правление и все вообще присутственные места.

В 1786 году сентября 23 дня кн. Потемкин писал И. М. Синельникову: *«По неудобности нынешнего города Новомосковска, которой в рассуждении низменного положения своего нередко потопляем бывает от наводнения реки Днепра, нанося чрез то жителям немалое разорение и отвращая прочих от поселения в том месте, вашему преосходительству рекомендую переместить тот уездный город сходственно прежнему моему на возвышеннейшее место к Богородичному ретраншементу, предоставляя купцам, в оном живущим, полную свободу селиться там или в новом Екатеринославе, для чего и уездные судебные места устроить в Новомосковске на сем, новоизбранном месте, живущих же там армян всех перевести в оной губернской город, доставя выгоды и помощь со стороны казенной к переселению их. Состоящие ж там в Новомосковске казенные строения, отделяя часть надобную для судебных уездного города мест к Богородичному ретраншементу, а прочие обратить в Екатеринослав, ненадобные же с публичного торгу продать».*

Из этого ордера между прочим видно, что кн. Потемкин еще раньше предусматривал неудобство местоположения Екатеринослава I.

Октября 10 дня того же 1786 года кн. Потемкин снова писал правителю Екатеринославского наместничества И. М. Синельникову: *«Предложу Екатеринославской казенной палате об отпуске вашему превосходительству двухсот тысяч рублей на построение губернского города Екатеринослава, предписываю вам, по принятии означенной суммы, приступить немедленно к заготовлению материалов и припасов, сколь можно в большем числе,*

по близости к назначенному от меня под город месту, где теперь находится деревня Половица. Ваше превосходительство, примите также меры к приисканию мастеровых и рабочих людей, дабы таким образом ничто уже не препятствовало открытию и производству работ в сем новом городе, посвященном славе имени великия нашей самодержицы».

Отпуская сумму денег на построение города Екатеринослава, князь Потемкин орденом от 10 октября того же 1786 года назначил самому правителю наместничества И. М. Синельникову 250 рублей в месяц столовых денег.

Каков должен быть Екатеринослав, это видно из «начертания города», написанного собственноручно кн. Потемкиным и представленного им императрице Екатерине:

«Повергая к священным стопам Вашего Императорского Величества проекты строения города Екатеринослава, осмеливаюсь испрашивать на произведение оных всех оставшихся за расходами сумм доходов губернских. Сия часть империи вашей, будучи, так сказать, в сущем еще младенчестве, однако ж содержит все чины и расходы по наместничеству, выплачивает отпущенные три миллиона на строение крепостей в Тавриде, а затем остатки довольны еще будут на создание знаменитого города. Всемилостивейшая государыня, где же инде, как в стране, посвященной славе вашей, быть городу из великолепных зданий. А потому я и предпринял проекты составить, достойные высокому сего града названию.

Во-первых, представляется храм великолепный, посвященный преображению Господню, в знак, что страна сия из степей бесплодных преобразена попечениями вашими в обильный вертоград, и обиталище зверей в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущим. Судилище, наподобие древних базилик, в память полезных ваших указаний. Лавки полукружием наподобие пропилеи или предверия Афинского с биржею и театром посредине. Палаты государские, где жить и губернатору, во вкусе греческих и римских зданий, имея посредине великолепную и пространную сень. Архиепископия при соборной церкви Преображения, с дикастериею и духовной сколою. Как сия губерния есть военная, то призрение заслуженным престарелым воинам — дом инвалидной со всеми возможными выгодами и с должным великолепием. Дом губернаторской, вице-губернаторской, дом дворянской и аптека. Фабрика суконная и шелковая. Университет с академией музыкальной. Для всех строений довольно всяких припасов приготовлено».

Тем временем правитель Екатеринославского наместничества И. М. Синельников, получив приказ о перенесении бывшего города Екатеринослава с переименованием его в Новомосковск, поспешил исполнить приказ светлейшего. Город Новомосковск в старину как в устах народа, так и на бумагах назывался Самарою, Самарчуком, Самарчиком, Новоселицею, Новоселовкою. Первые обыватели Новоселицы были выходцы из близлежащего г. Старой Самары, где находился главный стан российских войск. В эту-то Новоселицу и был перенесен бывший Екатеринослав I, названный Новомосковском. В нем открыта была в 1787 году первая шестигласная дума. Часть обывателей бывшего Екатеринослава I ушла на правый берег Днепра, в селение Новый Кодак, а часть ушла в Черноморию. Покинутая земля отдана была немцам-колонистам, которые основали там в 1789—1790 гг. две колонии Йозефсталь и Кронсгартен.

Итак, начинается «бытие города Екатеринослава II, или настоящего города великих надежд и славы для увековечения имени императрицы Екатерины II». Для сооружения города потребовалась масса рабочих, разного рода мастеров, подрядчиков, нарядчиков, надсмотрщиков, приказчиков, техников и проч., но помещений для них в возникавшем городе не было и не могло быть. Пришлось таким людям помещаться в ближайшем к будущему городу селе Новом Кодаке.

Село **Новый Кодак** было давнее запорожское селище, известное уже в 1660 году. В 1750

году это село именуется в бумагах запорожского архива городом. В то время город Новый Кодак был центром управления запорожской Кодацкой паланки, так как он находился у самой переправы через реку Днепр и стоял у битого чумацкого шляха. К концу XVIII века численность населения города Нового Кодака была значительно пополнена козаками, выходцами из Сечи, которые, поселяясь в нем, обзаводились семьями и вместо оружия брались за плуги для поднятия ими богатой и плодородной почвы.

С прибытием в Новый Кодак массы люда, принимавшего участие в постройке города Екатеринослава, численность населения его еще более увеличилась. С 1787 года и по 1791 год Новый Кодак заменял собой будущий новый Екатеринослав и потому в живой речи и в некоторых официальных бумагах именовался городом Екатеринославом II.

На три-четыре версты ниже Нового Кодака находилась небольшая запорожская слобода **Половица**. Свое наименование Половица, без сомнения, получила от речки Половицы, которая там протекала. Речка Половица начиналась по-теперешнему от Озерного базара, сперва одним желобом, шла по проспекту, где теперь канава, потом, постепенно уклоняясь влево, соединялась с другим желобом, вытекавшим из Жандармской балки, дальше шла уже одним желобом, около версты длины, параллельно Днепру, отделяла собой довольно значительный полуостров и наконец сходилась с Днепром, саженой на 500-550, не доходя до Монастырского, теперь Богомолковского острова.

В различных документах XVI — XVIII ст. и у разных украинских писателей половица значило половина вообще чего бы то ни было: половина войска, половина денежной подати, половина стекла, изготовленного на заводе для продажи, половина улова рыбы, половина купленной мельницы, половина имущества.

Так, речка, текущая параллельно двумя руслами, получила наименование Половицы, а от речки и селение приобрело себе такое название. Известно, что очень многие города заимствуют свои названия от речек; река Москва и город Москва, речка Тверца и город Тверь, река Вологда и город Вологда, речка Кур и город Курск, речка Волчьи Воды и город Волчанск, речка Купянка и город Купянск, река и город Ахтырка.

Самое село Половица более позднего происхождения. Оно стало населяться около половины XVIII ст. В 1768 году, после неожиданного нападения на Запорожскую Сечь татар, часть, козаков-зимовчан бросилась на север в Кодацкую паланку и оселась там у речки Половицы. Там же, возле Половицы, нашли себе пристанище и часть козаков-сечевиков, которые не могли уйти с товарищами за Дунай и оставались доживать свой век «на рідних пелищах». В Половицу также переходили и некоторые «абшитованные» из Нового Кодака козаки, как, например, бывший запорожский есаул Лазарь Глоба.

Наконец, в Половице находили себе приют и разные выходцы из польской Украины.

На плане города Екатеринослава 1786 года слобода Половица показана на нижней части нынешнего города, приблизительно от Яковлевского сквера до Кудашевской улицы и в Камнях до сада Потемкина, по речке Половице. Через слободу Половицу проходили две балки — Войцехова и Бобырева, что ныне Фабричная и Аптекарская, вдоль которых селились украинцы и поляки. Сколько в ней было дворов и какое количество населения, разные исследователи показывают различно. В «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии» в 1779 году показано 125 дворов. В «Летописи Екатеринославской архивной комиссии», в работе проф. В. А. Беднова показано в 1783 году 113 дворов. В материалах, хранящихся в местном областном архиве, в 1784 году показано: *«Жителей в Половице: казенных поселян, питающихся хлебопашеством мужчин — 400, женщин — 302. Занимающихся черною работою мужчин — 38, женщин — 31. Дворов (по количеству хат)*

деревянных 50 и мазаных — 80. В Половице было 5 водяных мельниц и 3 кузницы».

Когда было решено перенести в Половицу главное наместничество, то городничий еще не существовавшего города Екатеринослава составил «Описание окружностей города Екатеринослава и жительствующих в нем разного звания людей и о прочем». В том «Описании» говорилось не только о Половице, но и о Старом и о Новом Кодаках и о деревне Каменке (Лоцманской).

«Всей окружной земли принадлежит 39 000 десятин. Поселена она (Половица) возле самой реки Днепра, при извилистых в одной заливах... Вольная рыбная ловля и ловится разного рода рыба. Бывает в год ярмарков. Привозят с Крыму, Польши и России разного сорта молочные товары, которые жители покупают. Всего в окружности города Екатеринослава населения мужчин - 1981, женщин - 639».

В селении Половице, где ныне губернский город Екатерине слав, считалось с учреждения города в приходе до 1790 года 155 дворов и в них обоего пола 1450 душ.

Принадлежа приходом к Новокодацкой церкви, жители слободы Половицы в 1779 году обращались с просьбой к архиерею Никифору о дозволении построить им деревянную церковь во имя Петра и Павла в своей слободе. В числе просителей в церковных архивах упоминаются бывшие есаулы запорожского войска Лазарь Глоба, Игнат Каплун и Андрей Мандрыка, бывший полковой хорунжий Данило Касалап, ктиторы Федор Крошка, Федор Скок, громадский писарь Василий Кияница. Разрешение было дано, и церковь, заложенная в 1781 году, была совершенно окончена в 1783 году. Оставалось только ее освятить и потом совершать в ней службу. Но до освящения она 6 августа внезапно сгорела от неизвестной причины. Иконостас и всю утварь, какая была в церкви, успели спасти, потому что пожар начался не внутри церкви, а сверху, и не в ночное время, а в первом часу пополудни. После того жители слободы Половицы выстроили себе молитвенный дом во имя Казанской божией матери, и он долго заменял им церковь.

Когда в 1786 году началась постройка города Екатеринослава, тогда в Половицу прибыло множество мастерового народа. Тогда половичан понемногу начали расселять по соседним слободам. Одна часть их спустилась ниже горы, по течению Днепра, другая часть поднялась вверх в слободу Сухачевку. В период времени от 1791 до 1793 года губернский город Екатеринослав окончательно уселся на месте бывшей запорожской слободы Половицы. Но и в уме и в устах местных старожилов еще долго жила запорожская слобода Половица, и когда кто-нибудь из пожилых людей собирался ехать в город, то он говорил, что едет не в Екатеринослав, а в слободу Половицу.

Так по воле всесильного и всевластного кн. Потемкина на месте глухой запорожской слободы Половицы должен был возникнуть огромный, величественный, блестящий красотой и богатством город Екатеринослав, который будет служить вечным и достойным памятником бессмертных деяний великой монархини императрицы Екатерины II.

Замыслы князя Потемкина были поистине исполинские.

Глава III

По плану, составленному под непосредственным наблюдением самого князя Потемкина, город Екатеринослав должен был занимать в длину, по течению реки Днепра, 30 верст, а в ширину от Днепра до речки Мокрой Суры 25 верст. Обе соседние с ним слободы, Новый Кодак и Старый Кодак, должны войти в состав города, как его форштадты. Под пастбище отводилось городу 8000 десятин земли.

Главные сооружения должны быть на горе, против реки Днепра и Монастырского острова. Таковы: присутственные места, гражданская и духовная дикастерия, наподобие древних базилик, гостинный двор, лавки наподобие афинских пропилеи, биржи, театр, архиерейский дом, несколько православных церквей и главнейшая из них Преображенский, на 12 престолов, собор. Все улицы в городе должны быть в 30 сажен ширины.

В самом городе должны работать 12 фабрик, которые будут снабжать весь край своими изделиями и всюду распространять довольство и изобилие. Из 12 фабрик двум, а именно суконной и шелково-чулочной, выдана была субсидия 340 000 рублей, благодаря чему обе фабрики сразу открыли свои работы. Суконная фабрика была доставлена в Екатеринослав из города Могилева. На перевозку ее потребовалась сумма в 30 000 рублей. На ней должно было вырабатываться тонкое сукно для инженерного кадетского корпуса. Директором всех фабрик назначен был коллежский асессор Липрандий, асессор Кноринг.

При этой фабрике, как описывает очевидец, был большой двухэтажный дом— больница. Кроме того, было еще три больничных дома для фабричного доктора и служащих. Была баня, для которой выкопаны два колодезя, откуда «журавлем» вытягивали в двух бадьях воду. Была и церковь во имя Покрова богородицы, а при церкви имелся и хор. Была, наконец, и школа, на что указывает контингент фабричных писарей, который составлялся и пополнялся из сыновей фабричных рабочих.

Управлению фабрики дан был совершенно военный строй: канцелярские обязанности исполняли военные писаря из кантонистов, носившие общеписарскую военную форму, а классные должности занимали чиновники гражданские, которые назывались вообще комиссионерами и различались по должностям и классам. Директор фабрики, стоявший во главе управления, обыкновенно пятого и даже четвертого класса. Комиссионеры при фабрике носили военную форму — сюртуки и мундиры с красным воротником, с серебряными петлицами на воротнике мундира и с белыми металлическими пуговицами, украшенными рисунком плавающей бомбы. Директора фабрики жили в казенном доме. Рядом с домом директора была контора, помещавшаяся во флигеле.

Управление фабрики имело тесную связь с главным комиссариатским депо, которое было в Кременчуге, куда каждый год посылались из Екатеринослава комиссионеры с вахтерами то за получением денег на расходы по фабрике, то за материалами для работ на ней. Деньги золотом из Кременчуга перевозились на почтовых телегах в бочонках, под конвоем вооруженных вахтеров и под надзором комиссионера.

Все фабричные рабочие считались военными, то есть солдатами, хотя формы военной не носили; они были вроде военных поселян. Муж, жена и все семейство, не исключая и малолетних, еще не способных к работе на фабрике, получали казенные пайки, а за работу жалованье, при готовой квартире, отоплении и освещении. Для каждого двух семейств построены были в три линии казенные домики. Это поселение составляло так называемую фабричную слободку. Слободка была на нижней приднепровской равнине, в конце города, чем-то вроде пригорода, по направлению к Новому Кодяку. Слободка населена была фабричными людьми, присланными из села Павлова Московской губернии, где существовала казенная суконная фабрика. Присланы были те люди из села Павлова в Екатеринослав, как вожаки, затеявшие там какой-то бунт или смуту. Их так и звали «павловцы».

Об этой же фабрике в 1825 году, августа 31 дня, писал известный в свое время профессор А. Ф. Воейков, много путешествовавший по России и бывший в Екатеринославе два раза.

«Я осмотрел обширную фабрику тонкого сукна. С того времени она распространена и улучшена; все новоизобретенные самопрялки, станы, стригальницы сюда выписаны из

Лондона, а с образца делаются и новые здешними мастерами. Синие и алые сукна не уступают английским в тонкости, краске и отделке и превосходят их добротой. Директор угостил меня сытным завтраком и дал полное понятие о прежнем и нынешнем состоянии сего важного государственного заведения, о постепенном его усовершенствовании, о том, что тонкие сукна Екатеринославской фабрики отпускаются по самой умеренной цене бедным офицерам и что государь император имеет несколько мундиров из сукон, здесь выработанных. Сии последние слова произнес он с гордостью, показывающею, сколь для него лестно такое отличие».

Из директоров Екатеринославской суконной фабрики приобрели известность наиболее два — Григорович, из причетнических детей, как человек энергичный и очень требовательный, и военный генерал Адлерберг, как «начальник строгий до суровости».

Последним директором фабрики был Василий Иванович Драгневич, родом серб, моряк времени Чесменского боя, в котором он участвовал в чине гардемарина. Драгневич первый из директоров подал проект о закрытии казенной суконной фабрики в Екатеринославе, указав на громадные расходы по ней, на хищения и на злоупотребления, с которыми директорам приходилось постоянно бороться. Драгневич доказывал, что для казны несравненно выгоднее и удобнее делать изготовление для гвардии сукон по заказу на частных фабриках. Проект Драгневича был принят, и казенная суконная фабрика в Екатеринославе покончила свое существование в 1837 году.

Кроме величественного, грандиозного собора на 12 престолов и кроме 12 фабрик в новом городе Екатеринославе решено было также соорудить «великолепный университет» с двумя училищами при нем — хирургическим и народным, по плану, составленному кн. Потемкиным, лично рассмотренному и утвержденному Екатериною в 1784 году, сентября 4 дня. Вместе с университетом — академия музыкальная и художественная, чтобы «не только науки, но и художества преподаваемы быть должныствовали».

Для университета были приглашены профессора для преподавания, хотя самого здания еще не существовало. Таковы: историограф Гюен (де Сиенпе) с жалованьем 1500 рублей в год, при казенной квартире и дровах. Какой-то профессор Гибал с жалованьем 800 рублей в год, также при казенной квартире и дровах. Профессор земледелия Василий Прокопович с жалованьем 600 рублей в год, с вычетом из него 6 рублей на шпиталь, при казенной квартире и дровах. В 1791 году, 10 сентября, от кн. Потемкина из столицы Молдавии Ясс на имя правителя Екатеринославского наместничества послан был ордер «об отрешении от должности помощника директора экономии Екатеринославского наместничества титулярного советника и земледелия профессора Василия Прокоповича». Было ли это разжалование или назначение на другую службу, об этом в ордере не сказано. В числе других профессоров университета числился также титулярный советник, агроном Михаил Ливанов с жалованьем также 600 рублей, за вычетом из них на шпиталь 6 рублей. Профессор Ливанов был командирован кн. Потемкиным в местность между рр. Бугом и Днестром для исследования края, насколько он пригоден для развития хозяйства и промышленности. Производя там исследования, профессор Ливанов натолкнулся на залежи минеральных богатств и открыл в Кривом Роге, как сам доносил о том князю Потемкину, существование серебряных руд, мрамора, порфира и железных руд. Князь Потемкин так был обрадован этим открытием, что подарил Ливанову имение, и, когда профессор потом заболел, отправил его для лечения за границу на казенный счет.

Автор книги «Столетний юбилей Екатеринослава» К. Н. Корольков говорит, что к университету приписан был Монастырский остров для насаждения на нем ботанического сада. Но на плане г. Екатеринослава 1786 года на Монастырском острове написано: «Сад публичный».

Екатеринославский университет сразу обеспечивался большим книжным богатством: князь Потемкин принес ему в дар библиотеку из 1500 томов, которую он купил за 6000 рублей у местного архиепископа Евгения Булгариса, собранную им за границею.

Член С.-Петербургской Академии наук, С.-Петербургского Вольного экономического общества, Лондонской Академии древностей, архиепископ Евгений Булгарис был родом болгаро-грек. Предки его, болгары, поселились на острове Корфу, где он и родился. Сначала Евгений Булгарис учился в Греции, потом, приняв монашество, переехал в Италию. Был в Падуе, проповедовал в Венеции, побывал в Константинополе. В 1753 году разные невзгоды заставили его выехать в Германию. В Германии он прожил семь лет и весь отдался науке. Был в Лейпциге, Галле, Геттингене, Берлине, после чего приобрел широкую славу ученого. Он прекрасно изучил языки — еврейский, латинский, итальянский, французский. Он славился как богослов, философ, историк, археолог, математик. Не было такой отрасли знаний, которой не посвятил бы он свои труды. Несмотря на свое монашеское звание, он пользовался большим уважением со стороны прусского короля и Фридриха Великого. Через Фридриха Великого он сделался известным и русской царице Екатерине II. Екатерина II поручила ему перевести с французского на новогреческий язык знаменитый ее «Наказ». В предисловии к тому переводу Евгений Булгарис выразил желание быть в подданстве «у великой монархини». Екатерина II пригласила его из-за границы в Россию. На проезд ему назначена была сумма 1000 рублей. В 1771 году Евгений Булгарис прибыл в С.-Петербург и привез с собой обширную библиотеку. Жалованье ему назначили 1500 рублей и при том дали повод питать заманчивые надежды на новые в будущем милости. Сперва Екатерина II назначила Евгения Булгариса своим библиотекарем и часто беседовала с ним, в каковой должности он пробыл четыре года и начал в это время, по желанию Екатерины, перевод «Энеиды» и «Георгик» Вергилия на греческий язык гекзаметрами. В 1775 году Екатерина назначила Евгения Булгариса архиепископом в новую «Словено-Херсонскую» епархию. Он долго отказывался от такой высокой чести, но под конец принял сан архиепископа. Тогда ему пожалована была панагия, украшенная алмазами, и выдано было 20 000 рублей на обзаведение. Но недолго, однако, Евгений Булгарис управлял новой епархией. 9 сентября 1775 года он вступил в управление, а в мае 1779 года испросил себе увольнение, причем ему была назначена пенсия в 2000 рублей пожизненно. После того он остался только ученым и написал много новых работ, между которыми одна такова: «На каком языке говорили сарматы», жившие некогда у берегов Меотиды, Евксинопонта и выше от них. Скончался Евгений Булгарис в С.-Петербурге в 1806 году, на 96-м году жизни.

Обширная библиотека, привезенная Евгением Булгарисом из-за границы в Россию и купленная у него кн. Потемкиным, назначена была для Екатеринославского университета, но временно помещена была в г. Кременчуге, в доме самого князя. После смерти светлейшего она была перевезена племянником умершего князя, генералом Самойловым в Петербург и хранилась там при Святейшем синоде, после чего ввиду неосуществившейся в г. Екатеринославе постройки университета была передана в собственность Казанского университета.

Как обеспечивались архиерейский дом и монастырь, видно из именных царских указов.

По имянному указу 1775 г., октября 9, и 1793 г., мая 10, на включенный во 2 класс славянский архиерейский дом — 6070 р. 32 ^{1/3} к. да прибавочных по росписи 18 декабря 1797 г. 3699 р., всего 9769 р. 32 к. По имянному указу 17 мая 1793 г. на содержание при архиерейском доме больницы для монашеского чина 40 р. да прибавочных по росписи 18 декабря 1797 г. — 60 р. На викарный новороссийский и днепровский архиерейский дом — 3072 р. 50 к. Да сверх того на духовные правления, коих числится в Новороссийской, на каждое по 120 р., а на все 1440 р. Итого 14 381 р. 82 ^{1/2} к. По имянному указу также велено на назначаемый монастырь поблизости города Екатеринослава, для пребывания архиереев, отпускать по учреждению того монастыря.

Для музыкально-художественной академии при университете были приглашены — живописный мастер Василий Неретин, обучавшийся в Петербургской академии художеств; далее преподаватели Герасим Захарченко и Михаил Бухаров с жалованьем каждому по 120 рублей в год при казенной квартире и дровах.

Директором музыкально-художественной академии был приглашен итальянец Джузеппе Сартти, с которым кн. Потемкин заключил в С.-Петербурге особый контракт. По контракту Сартти обязывался быть директором академии музыки при Екатеринославском университете, обучать сочинению оной и самому сочинять музыкальные пьесы, в которых будет надобность. За все это директору назначалось жалованье с 1 апреля 1787 года 3500 рублей в год, казенные покои и дрова, отдельно на проезд от С.-Петербурга до г. Кременчуга и далее до г. Екатеринослава 2900 рублей.

Джузеппе Сартти сперва был придворным капельмейстером в Копенгагене, потом капельмейстером в Миланском соборе. В 1784 году он был приглашен в Россию занять место придворного капельмейстера в С.-Петербурге. С 1787 года назначен был директором будущей музыкальной академии в г. Екатеринославе. В 1789 году в главной походной квартире кн. Потемкина Сартти исполнил собственного произведения ораторию «Тебе бога хвалим» хором в 300 человек, отдельным оркестром, несколькими оркестрами военной музыки, с колокольным звоном и пушечной пальбой из 10 орудий. После кончины кн. Потемкина Сартти вернулся в С.-Петербург и занял место придворного капельмейстера до кончины императора Павла I. Умер в 1802 году по дороге в Италию.

Для успешного производства строительных работ в городе Екатеринославе учреждены были особые экспедиции — строевая или собственно городская и университетская под непосредственным ведением генерала И. М. Синельникова. Сентября 10 дня 1784 года по царскому именному указу на производство в Екатеринославе публичных строений было определено 20 000 рублей в год, которые выдавались до 20 октября 1787 года.

Чтобы иметь приблизительное представление о размерах предполагавшегося в городе Екатеринославе университета, нужно знать о самой подготовке для сооружения его.

Строительная экспедиция производила торги на доставку кирпича в количестве 3 000 000 штук, извести и алебаstra около 20 000 четвертей, дроту около 28 000 кубических сажений, бутового и цокольного камня (гранита), песка, воды, досок, гвоздей, строевого лесу и прочего в громадном количестве. Торги производились неоднократно. Мастера вызывались целыми сотнями (по 200 — 300 человек). Кроме того, приглашались художники, механики и архитекторы из иностранцев. Для простых работ употребляли целые полки солдат, пленных турок, взятых при штурме Очакова в 1788 году.

Целью основания университета в Екатеринославе было — служить рассадником просвещения в крае. В нем не только науки, но и искусства преподаваемы быть должны как для подданных России, так и для соседственных народов, наипаче же единовѣрных с нами.

Место для сооружения университета, судя по плану города Екатеринослава 1787 года, было избрано по-теперешнему между губернской земской больницей и казармами бывшего Симферопольского полка, откуда открывается далекий и прекрасный вид на р. Днепр, а также с одной стороны на остров Монастырский, а с другой — на остров Становой.

Ввиду необходимости подготовки юношей для поступления в университет приказано было также завести народные школы в Екатеринославском наместничестве и в Таврической области по образцу школ, учрежденных в России.

Средства для сооружения университета изыскивала сама Екатерина. Указом сентября 4 дня 1784 года она повелела обратить на постройку Екатеринославского университета следующие денежные средства: 6000 рублей из окладных сумм; 8080 рублей из получавшихся на содержание в Азовской губернии; 9391 рубль 90 копеек и 5084 рубля 10 копеек из получавшихся на содержание мужеского и женского училища в городе Кременчуге. Последние училища, мужеское и женское, из города Кременчуга были переведены в город Екатеринослав и вошли в состав открывшегося в нем народного училища, причем женское после годичного существования было совсем закрыто. Кроме того, из кременчугского банка на сооружение университета переведена была сумма 282 785 рублей, составившаяся из следующих сумм:

- 1) капитальной, розданной под проценты,— 187 005 рублей 57 копейки,
- 2) сборной за проданные имения запорожской старшины — 29 912 рублей,
- 3) ретраншементной — 10 330 рублей 14 копеек,
- 4) церковной — 10 000 рублей;
- 5) за проданных казенных лошадей 43 467 рублей 90 коп. 6) садовой — 2070 рублей. Наконец, на тот же университет определен был весь доход от соляных озер на Кинбурнской косе, отдаваемых на откуп, а также на некоторые проценты от продажи «горячего пенного вина».

Сам князь Потемкин, находясь в Бендерах, писал 10 сентября 1791 года правителю Екатеринославского наместничества В. В. Коховскому: *«Имеющееся у господина статского советника и кавалера Фалеева на Ингульце горячее пенное вино 13 000 ведер приказал я черноморскому адмиралтейскому правлению принять в казенное ведомство на производство порций, в число же следуемой за сие вино в заплаты суммы, полагая за каждое ведро по 3 рубля 40 копеек, предписываю зачесть на нем Фалееве в екатеринославскую университетскую сумму состоящей с указными, и сколько зачтено будет долгу, ко мне отрапортовать для удовольствия его доставкою суммою».*

Для университета, также и для академии художеств и всех присутственных мест в Екатерине славе привезено было даже несколько английских часов того времени, но все они потом разными путями, преимущественно под видом испорченных, перешли в частные руки.

Но все же главным и самым величественным украшением нового города Екатеринослава должен был быть собор Преображения господня с 12 престолами и с двумя приделами: один во имя св. великомученицы Екатерины, другой во имя св. Иосифа.

Сооружение собора было предложено князем Потемкиным французскому архитектору Леруа. Собор должен быть самый огромный во всей вселенной и с удивительным, никем не виданным куполом на нем. Архитектор, испугавшись такого заказа и не надеясь исполнить его, бежал, как говорят, за тридевять земель.

Указом Екатерины II для екатеринославского кафедрального собора велено было выслать из города Чернигова колокол в 300 пудов весом, вылитый одним из удельных черниговских князей из серебра, добытого во время войн русских с татарами и другими народами, и висевший на колокольне черниговского кафедрального собора. Но этот колокол, за смертью Екатерины II, не был доставлен в Екатеринослав и остался висеть на своем месте в Чернигове.

Для ускорения работ в городе Екатеринославе, о чем особенно хлопотала учрежденная университетская строевая экспедиция, кн. Потемкин предполагал еще двинуть к Екатеринославу 12 полков храбрых гренадер, зная то, что русский солдат не только умеет разрушать города, но он умеет также их и созидать.

Благодаря таким рвениям строительный материал, то есть гранитный камень, известь, алебастр, бутовый камень, был заготовлен в изобилии, для производства кирпича устроены

были заводы, для столярных и кузнечных работ — мастерские.

Чтобы жители нагорной части города не имели недостатка в воде, велено было устроить на горе шесть колодезей и обширный бассейн с многочисленными фонтанами. Кроме того, на двух балках, по которым текла вода, предложено было сделать плотины для задержания воды. Для увеличения населения в городе Екатеринославе кн. Потемкин созывал со всей империи в новый город купцов и мещан, предоставляя им всевозможные выгоды и преимущества, снабжая их деньгами для торговли и промышленности и нужными материалами для всякого рода построек.

Велено было также построить несколько деревянных домов на казенный кошт с целью продажи их чиновникам, купцам и мещанам с рассрочкой на десять лет и без процентов по той цене, в какую они обошлись казне. Кроме того, всем желающим селиться в городе обещан был казенный материал и лучшие места, а также свобода от постоя солдат. Дарованными льготами тогда же воспользовались некоторые из чиновных людей. Так, между прочим, супруга генерала И. М. Синельникова, Авдотья Васильевна, урожденная Страхова, приобрела себе один из таких домов, который потом был подарен Синельниковым для местной духовной семинарии.

Само собой разумеется, что для возведения многочисленных построек в городе требовались огромные денежные средства. Для городских построек одновременно было отпущено, как раньше указано, 200 000 рублей, выдача которых была продолжена потом еще на пять лет; определены были все суммы упраздненных Новороссийской и Азовской губерний, также все денежные суммы, поступившие в уездные казначейства Екатеринославского наместничества; кроме того, приказано было брать деньги из местной казенной палаты. Наконец, сверх всего ассигнована была ежегодная субсидия в 2000 рублей на «непредвиденные надобности».

Так кн. Потемкин, обративши весь обширный Новороссийский край в обширную мастерскую, естественно хотел показать все императрице Екатерине II, перед которой хотел блеснуть своими гениальными замыслами и своими великими административными и строительными талантами. *«Я, матушка, прошу воззреть на здешнее место, как на такое, где слава твоя оригинальная и где ты не делишься ею с твоими предшественниками: тут ты не следуешь по стези другого».*

И матушка царица, так веровавшая в гениальные дарования кн. Потемкина, выразила свое желание воззреть на вновь устраиваемый и заселяемый Новороссийский край.

Глава IV

Января 6 дня 1787 года императрица Екатерина II, покинув Санкт-Петербург, направилась в Киев. В Киеве она пробыла до 22 апреля и в этот день пустилась по Днепру до места будущего города Екатеринослава.

Императрицу сопровождала блестящая свита из дам и мужчин, русских и иностранных. На пути императрица имела дать аудиенцию польскому королю Станиславу Августу Понятовскому и потом съехаться с австрийским императором Иосифом II, ехавшим в Россию под именем графа Фалькенштейна для переговоров о различных политических делах.

Всех персон при императрице было 40. Камер-фрейлина Анна Степановна Протасова, камер-юнгфера Мавра Саввишна Перекусихина; кн. Голицына, кн. Долгорукова, гр. Браницкая, гр. Скавронская, гр. Чернышева и др. Далее кн. Потемкин, гр. Дмитриев-Мамонов, он же Красный Кафтан, кн. Барятинский, гр. Чернышев, гр. Шувалов, гр. Румянцев, гр. Безбородко,

гр. Ангальт, Нарышкин, камергеры Валуев и Салтыков и др. Из иностранных особ — австрийский посланник гр. Кобенцель, французский принц де Линь, французский дипломат гр. Сегюр, принц Нассау-Зиген, великобританский полномочный Фриц Герберт.

Кроме того, сама императрица и маленький графчик Браницкий, очень занимавший императрицу своею детскою забавностью, остротою и находчивостью. Князя Потемкина отдельно сопровождал известный стихотворец Петров, который был домашним человеком у светлейшего и везде следовал за ним. Для нанесения на бумагу и на полотно наиболее важных моментов путешествия высоких особ по Днепру приглашен был художник Хатфильд.

Кроме того, императрицу сопровождали еще депутаты от 30 народов, подвластных русскому царю — от татар, калмыков, киргизов, осетин и других разной степени культурности, различных цивилизаций, разных нравов, общезитии, физиономий, языков, наречий, вероисповеданий, одеяний.

Царская флотилия состояла из 80 судов с 3000 человек команды под начальством вице-адмирала Петра Ивановича Пущина. Суда были раззолочены, украшены амурами, увиты всевозможными цветами, пестрели разноцветными флагами и изумляли целым лесом высоких и стройных мачтовых деревьев.

Каждое судно носило название от имени рек Российской империи. Так, галера, на которой была императрица Екатерина, называлась «Днепр», девятая по счету, самая блистательная, под красным бархатным, с золотым шитьем, павильоном. За ней следовала десятая галера «Буг», на которой находился кн. Потемкин со своими племянницами гр. Браницкой и гр. Скавронской и их мужьями. Походная столовая была устроена на галере «Десна». *«Трудно себе представить, — говорит очевидец граф Сегюр, — судно более великолепное, изящнее и роскошнее этого».* На одной из галер следовали медик и аптекарь с медикаментами.

За царской флотилией следовало множество провожавших ее шлюпок, дубов, челноков и проч.

На галерах было 200 человек певцов и музыкантов под управлением директора екатеринославской музыкально-художественной академии Сарти.

Особенно восхитительна была игра на рожках. Роговая игра пленила даже австрийского императора Иосифа II, который назвал ее «небесной, хотя он на все другое смотрел иронически».

Отдельно у самого кн. Потемкина было еще 186 человек певцов и музыкантов.

*Там резкий трубный зык,
Там бубнов гром,
Там стон валторн
Созвучно в воздух ударяет,
Там глас свирелей
И звонких трелей
Сквозь их изредка пробегает,
Как соловьиный свист
Сквозь шум падающих вод.*

Везде берега Днепра горели яркими и разноцветными огнями, оглашались могучими и бесконечными кликами народа; везде, точно из земли, вырастали дворцы, дома, башни, триумфальные арки; в одну ночь являлись чудные сады; в разных местах выступали с арфами и цевницами музыки, приветствуя «северную богиню», и услаждали ее мелодичною игрою.

Иностранные послы, видевшие много всяких чудес на западе, не закрывали своих ртов от изумления и не переводили духа от восторга. Этот восторг отразился и в записках одного из участников путешествия императрицы Екатерины II, французского дипломата графа Сегюра: *«Императрица,— говорит он,— пустилась в путь на галере в сопровождении великолепнейшей флотилии, которая когда-либо шла по широкой реке. Она состояла из 80 судов с 3000 человек матросов и солдат. Впереди шли семь нарядных галер огромной величины, искусно расписанных, со множеством ловких матросов в одинаковой одежде. Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелком.. Каждый из нас имел комнату и еще нарядный и роскошный кабинет с покойными диванами, с чудесною кроватью под штофною занавесью и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носилось впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебством».*

«Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкие суда и катались вдоль берега, вокруг зеленеющих островков, которыми усеяна река. Множество народа громкими кликами приветствовало императрицу, когда при громе пушек матросы мерно ударяли по волнам Борисфена своими блестящими, расписанными веслами. По берегам появлялись толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд и поднести в дар императрице произведения различных местностей. Порою на береговых равнинах Днепра маневрировали легкие отряды Козаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписными декорациями и триумфальными арками, что вид обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными. Снег таял; земля покрывалась зеленью; луга запестрели цветами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали все предметы. Гармонические звуки музыки с наших галер, различные наряды бережных зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину».

«Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами в определенных местах выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Так, стихия, весна, природа и искусство, казалось, соединялись для торжества могучего любимца (Потемкина). Окружая императрицу такими дивами, когда она проезжала страны, недавно покоренные оружием, он надеялся возбудить ее самолюбие и внушить ей желание и смелость решиться на новые завоевания».

«Я никогда не видел императрицы более любезной, как в первый день нашего плавания... Весна молодила наши умы... Уверенность видеть каждый день новое, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображение, которое в стремлении своем опережало нас самих».

Подвигаясь далее вниз по Днепру, флотилия остановилась апреля 25 дня против г. Канева, где Екатерина приняла польского короля Станислава Понятовского, приехавшего со своей свитой для взаимного выяснения различных политических вопросов. Станислав Понятовский рассчитывал, что Екатерина примет его, как князя Понятовского, с которым она была когда-то в близких отношениях, но с тех пор прошло 29 лет, и Екатерина встретила его очень сдержанно.

После взаимного поклона, важного, гордого и холодного, Екатерина подала королю руку, после чего они вошли в кабинет и пробыли там всего лишь полчаса.

Король вышел из кабинета с выражением грусти в глазах, которую не могла скрыть его принужденная улыбка, и вслед за тем уступил в приемную залу, полную блестящим собранием во главе с кн. Потемкиным.

Через несколько минут в залу вошла и Екатерина.

На ней было одеянье славянского покроя, род кунтуша, из шелковой, затканной золотом материи лилового цвета, с золотым шитьем вокруг, с длинными, откидными назад рукавами; голова была убрана очень искусно несколькими булавками и эгреткою с бриллиантами необыкновенно крупной величины; на груди блестела бриллиантами Андреевская лента над звездами георгиевскою и владимирскою.

После взаимного представления чинов с той и другой стороны король был приглашен к обеду, а потом в 8 часов вечера того же дня возвратился в Канев, где дал блестящий бал свите императрицы, на котором, однако, сама Екатерина отказалась принять участие.

Когда наступила ночная темнота, то каневская гора вдруг запылала ярко ослепительными огнями; по уступам ее была прорыта канава, наполненная горючим веществом. Когда его зажгли, то оно казалось лавою, текущею с огнедышащей горы; сходство было тем разительнее, что на вершине горы взрыв более 100 000 ракет озарил воздух и удвоил свет, отразившись в водах Днепра. Фейерверк изображал собой извержение Везувия и удался блистательно. Вся флотилия была великолепно освещена, так что на тот раз для всех не было ночи.

Однако с 26 апреля на Днепре поднялись жестокие низовые ветры, порою переходившие в настоящую бурю. Один раз во время такой жестокой бури галера «Днепр», на которой сидела императрица, была «прижата» к берегу реки, но все обошлось в конце концов благополучно, и Екатерина запретила об этом давать официальные извещения.

Кроме бури, множество островов, островков, изгибов и местами подводных камней также препятствовали движению галер, которые часто шли только на веслах, без парусов. Порою однако ж бури стихали, и тогда природа выступала там во всей своей прелести и красоте.

Апреля 29 числа флотилия остановилась против местечка Крылова, куда выехали навстречу императрице правитель Екатеринославского наместничества И.М.Синельников, губернский предводитель, уездные предводители дворянства и многие дворяне.

Апреля 30 числа флотилия при дивной погоде положила якорь у пристани города Кременчуга, где встретили императрицу кн. Потемкин как генерал-губернатор края и екатеринославский архиепископ Амвросий.

«Все деревья,— писала Екатерина из Кременчуга в столицу,— даже и дуб раскинулись и тепло так, как у нас в июне; вообще с тех пор, как мы въехали в Екатеринославское наместничество, воздух и все вещи и люди переменили вид и все кажется живее».

Прием, устроенный кн. Потемкиным императрице Екатерине в городе Кременчуге, положительно привел в восторг как ее лично, так и ее многочисленную свиту и всех иноземных гостей. В порыве восторга Екатерина после осмотра войска сказала Потемкину: *«От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления: здесь они в полной силе и действии».*

«Потемкин, необыкновенный всегда и во всем,— говорит граф Сегюр,— явился здесь столько же деятельным, сколько был ленив в Петербурге. Как будто какими-то чарами умел он преодолеть всевозможные препятствия, побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразно песчаные равнины, дать пищу уму на пространстве долгого пути и придать жизни степям и пустыням. Станции были размещены таким образом, что путешественники не могли утомиться: флот

останавливался всегда в виду селений и городов, расположенных в живописных местах. По лугам паслись многочисленные стада; по берегам располагались толпы поселян; нас окружало множество шлюпок с парнями и девушками, которые пели простонародные песни; одним словом, ничего не было забыто. Надобно согласиться, что хотя Потемкин был плохой полководец, своенравный дипломат и далеко не государственный человек, но зато он был самый замечательный, самый ловкий царедворец».

«Я был,— писал участник путешествия Екатерины II по Днепру В. А. Чертков,— с его светлостью в Тавриде, в Херсоне и Кременчуге месяца за два до приезда туда ее величества. Я удивлялся его светлости и не понимал, что то было такое, что он там хотел показать ее императорскому величеству. Нигде там ничего не видно было отменного; словом, я сожалел, что его светлость позвал туда ее величество по-пустому. Приехав с государынею, бог знает, что там за чудеса явились. Черт знает, откуда взялись строения, войски, людство, татарва, одетая прекрасно, козаки, корабли. Ну, ну, бог знает что... Какое изобилие в яствах, в напитках, словом, во всем, ну, знаешь, так, что подумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил, как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя: я ли? где я? не мечту ли? или не привидение ли вижу? Н-у! Надобно правду сказать: ему, ему только одному можно такие дела делать, и когда он успел все это сделать? Кажется, не видно было, чтоб он и в Киеве занимался слишком делами, ну, знаешь, как и здесь. Только и слышно было «Василия Степановича» да «Попова», «Попова» да «Василия Степановича», но все ведь одно. Удивил! Ну, подлинно удивил! Не духи ли какие-нибудь ему прислуживают?»

Мая 3 дня, с отходом флотилии от пристани Кременчуга, вновь на Днепре поднялись большие низовые ветры, которые сильно препятствовали движению судов по воде. Низовой ветер, развивая свою силу в течение нескольких дней, принудил флотилию 6 мая остановиться и ночевать у правого берега Днепра, против села Григорьевки, теперь г. Верхнеднепровска.

Мая 7 числа неожиданно для всех приостановилось и даже совсем прекратилось путешествие Екатерины по Днепру.

В четвертом часу утра, едва тронулась флотилия в путь от села Григорьевки, как через час у берега Днепра показался экипаж, откуда крикнули подать к берегу шлюпку. Когда шлюпку подали, то в нее вскочил граф М. П. Румянцев и с нее поднялся прямо на галеру «Днепр». Еще мая 4 он был послан навстречу императору Иосифу II, ехавшему для свидания с Екатериною II.

Теперь граф прискакал доложить об этом императрице. Но императрица еще не вставала с постели, и ее долго не решались будить. Наконец, при содействии Мавры Саввишны Перекусихиной доложили о приезде графа Румянцева с известием, что накануне вечером граф Фалькенштейн прибыл в село Новый Кодак и едет навстречу императрице.

Было 11 часов утра; надо было спешить. Поднялась большая суматоха. Доставили экипажи и лошадей. Екатерина с гр. Браницкою, гр. Дмитриевым-Мамоновым и принцем де Линем села в четырехместную карету. За нею мчались в шестиместной карете Протасова, Лев Нарышкин, гр. Безбородко, Ангальт, Румянцев. Князь Потемкин направился прямо в Новый Кодак, чтобы там принять обоих венценосных особ.

Свое свидание с Иосифом II Екатерина II описала в письме к барону Гримму в Петербург.

«Седьмого этого месяца, находясь на своей галере за Кондаками, я узнала, что гр. Фалькенштейн скачет ко мне навстречу во весь карьер. Я тот час вышла на берег и тоже поскакала ему навстречу, и оба так поусердствовали, что съехались в чистом поле нос с носом. Первое слово его было, что вот де в какой просак попались все дипломаты; ни один не

увидит нашей встречи. При нем находился его посланник, при мне принц де Линь, Красный Кафтан (т. е. Дмитриев-Мамонов) и графиня Браницкая».

«Их величества, поместившись в одном экипаже, одним духом, без остановки, проскакали 30 верст до Койдак. Но проскакав таким образом одни одишеньки по полю (причем он рассчитывал обедать у меня, я же рассчитывала найти обед у фельдмаршала кн. Потемкина, а сей последний вздумал поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку нового города), мы нашли кн. Потемкина только что возвратившимся из своей поездки и обеда не оказалось. Но так как нужда делает людей изобретательными, то кн. Потемкин затеял сам пойти в повара, принц Нассауский в поваренки, генерал Браницкий в пирожники, и вот их величествам никогда еще, с самого дня их коронаций, не случалось иметь такой блистательной прислуги и такого плохого обеда; невзирая на то, кушали, много смеялись и удовольствовались обедом, приготовленным с грехом пополам».

Сам император Иосиф II описывал свою встречу с Екатериной II в письме к фельдмаршалу Ласси от 19 мая нового стиля в таких словах: *«Любезный маршал, пользуясь свободным временем, пишу из запорожской деревни (Койдак). Императрица вчера не могла продолжать свое путешествие по Днепру вследствие бурной погоды... Я в это самое время ехал ей навстречу, и мы съехались на расстоянии всего четверти версты от ее судов. Она посадила меня в свой экипаж, и мы вместе прибыли обратно в Койдак. Здесь оказалось, что вся ее прислуга отстала и потому некому было ни приготовить кушанья, ни подавать на стол. Тогда кн. Потемкин, который обогнал нас вместе с принцем Нассауским, и польский генерал Браницкий затеяли стряпать сами. Со мною был поваренок; я послал было за ним, но они не допустили его ни до чего и благодаря этому обед представлял смесь блюд, очень невкусных...»*

О встрече Екатерины II с Иосифом II в открытой степи в «Камер-фурьерском журнале 1787 года» говорится так: *«За три версты, не доезжая Койдак, последовало радостное свидание Ея Императорского Величества с графом Фалькенштейном, которое тем более ощутительно было видеть, что когда великие путешественники едва издали приметили следовавшие один к другому экипажи, не соединяя оных, чрез довольное расстояние остановясь, вышли из своих экипажей и следовали друг к другу пеши, а соединившись, сделав взаимность дружественного приветствия, обще сели в карету Ея Императорского Величества».*

Император Иосиф II, продолжая сообщать о первых минутах своего свидания с Екатериной II, писал своему фельдмаршалу Ласси: *«Вчера было так холодно, что мы понадевали шубы, а вечером Ея Величество приказала затопить камин... Галеры, в которых ехала вся свита, красивы, очень удобны, но немножко велики и грузны. На Днепре слишком много отмелей, и потому он неудобен для плаванья больших судов. Войско обмундировано заново».*

Местное предание говорит, что встреча Екатерины II с Иосифом II произошла в 30 верстах от Нового Кодака, у степного шинка козака Галайды, близ села Ромашова.

К. Н. Корольков убедительно доказал, что встреча двух «венценосцев» могла произойти не у Нового Кодака, как пишется в «Камер-фурьерском журнале», а у теперешнего села Ромашова.

Потемкин делает все, что вздумает; его положение при дворе лучше, чем когда-либо, и власть его не имеет границ. Новый фаворит (Дмитриев-Мамонов) совсем дитя, лет 26, без образования, недалек умом, довольно красив, сам, кажется, не верит своему счастью. Сама императрица немного похудела, впрочем пользуется превосходным здоровьем».

Император Иосиф II в глаза очень хвалил все распоряжения кн. Потемкина и даже ухаживал за ним, но в своих письмах к близким осуждал все, что видел, не находя ни порядка, ни интереса. Он особенно осуждал кн. Потемкина за то, что тот не заботился о мелких офицерских чинах.

В Новом Кодаче уже заранее все было устроено для приема высоких путешественников. У берегов реки Днепра сооружены были на судах триумфальные ворота, разукрашенные гирляндами из всевозможных живых цветов и золотых колосьев в виде слов: «Твоя от твоих, тебе приносящих». Отдельно устроен был великолепный деревянный дворец, впоследствии обращенный в местную суконную фабрику.

При приближении путешественников к селу Новому Кодачу началась пушечная стрельба и красный колокольный звон. У церкви св. Николая высоких гостей встретил екатеринославский архиепископ Амвросий Серебренников, а у дворца, на подъезде, с хлебом и солью сам генерал-губернатор светлейший князь Потемкин, как хозяин края.

В ожидании прибытия всех судов, из коих некоторые сели на мель, Екатерина пробыла в Новом Кодаче два дня, 7 и 8 мая, причем с утра принимала во дворце архиепископа Амвросия екатеринославских именитых граждан, чиновных и военных служащих. Именитые граждане поднесли императрице на фаянсовых блюдах хлеб-соль и местные фрукты. Все пожалованы были к руке императрицы.

К вечеру 8 мая прибыли к пристани Нового Кодача все запоздавшие суда и, как оказалось после осмотра их, без всяких повреждений. Но судам предстояло пройти дальше через 9 порогов и через самый страшный из них — Ненасытец.

По приказу Екатерины кн. Потемкин призвал лучших кодацких и Каменских лоцманов и спросил у них, могут ли все царские суда пройти благополучно через все пороги Днепра и идти далее до города Херсона. Лоцманы попросили позволения осмотреть подробно все суда. Получив позволение и осмотрев суда, лоцманы заявили, что суда могут пройти через пороги только в том случае, когда с них снять рули и вместо рулей вставить «стерна», то есть длинные, толстые и широкие, наподобие лопат, доски, вытесанные каждое из одного бревна. Такие «стерна» поворачиваются то в одну, то в другую сторону рулевыми, стоящими друг против друга, в числе 10 — 12 человек, и тогда судно, лавируя между камнями, стремительно несется вперед.

Разрешение на такую переделку было дано, и тогда все суда 9 числа мая, утром, от Нового Кодача двинулись вниз по Днепру, а сама императрица со своей свитой сухим путем того же числа, в 9 часов утра, в день св. Николая, направилась из Нового Кодача в слободу Половицу для закладки собора.

Императрица ехала в шестиместной карете с австрийским императором Иосифом II, графиней Браницкой, кн. Потемкиным, графом Кобенцелем и Дмитриевым-Мамоновым.

Слобода Половица находилась внизу и тянулась вдоль речки Половицы. К востоку от слободы Половицы поднималось высокое, открытое, ни кем не заселенное взгорье, с которого открывался далекий и прекрасный вид на степь, покрытую в то время густою, ярко-зеленою травою и усеянную множеством различного рода цветов.

Поднявшись на взгорье и обзрев его со всех сторон, царица сказала: *«Место сие имеет вид приятного обиталища».*

Здесь и быть городу. Здесь же быть и соборному храму Преображения господня. Место для соборного храма уже заранее было выбрано руководителем работ Фалеевым. Михаил

Леонтьевич Фалеев, сперва простой купец Крюкова, потом полковник, любимец кн. Потемкина, правая рука генерала И. М. Синельникова, также заранее соорудил возле будущего собора легкие, но очень изящные павильоны, в которых предполагалось угостить роскошным обедом императрицу и всю ее блестящую свиту.

Отдельно от устроенных павильонов поставлена была императорская палатка с походною военною церковью.

«В восьми верстах от Кодак,— пишет первый историк Новороссийского края архиепископ Гавриил Розанов,— на возвышенном берегу Днепра, с которого видны были излучины оного с лесистыми островами, на местоположении очаровательном, зеленью и цветами покрытом, где следовало быть поставленною святыне господней, разбита была императорская палатка с походною при ней полковою церковью; преосвященный Амвросий, архиепископ Екатеринославский и Херсониео-Таврический, встретил государыню с крестом и святою водою, отслужил в церкви божественную литургию в присутствии императрицы. В церкви, во время служения, не было никого, кроме певчих да прибывших с государынею фрейлин двенадцати душ. Иосиф II только заглянул в церковь и пошел тотчас «со светлейшим» и прочими генералами к тому месту, где расчищали землю под заложение собора... Когда литургия была окончена, преосвященный Амвросий поднес крест императрице; она приложила к нему, поклонилась на обе стороны и пошла к устраиваемому месту на заложение собора в сопровождении «светлейшего». Место же для будущего собора показано было только в размерах: где должен быть фундамент, там только сделали дорожки и сравняли землю, потому что, говорит очевидец Никита Леонтьевич Корж, на скорый и внезапный случай не успели вырыть фундамента, а рыли рвы уже после проезда царицы.

Там, где должен быть престол в соборе, выкопана была большая яма, наподобие «склепу» или пещеры, глубины почти сажень, ширины более двух сажней; для спуска в склеп сделаны были сходцы, устланные, как и весь склеп, коврами.

Потом начат был церемониал, случаю сему приличный: весь собор архиерейский со всем духовенством и со всею процессиею, зашедши сначала от полудня, потом обратясь к востоку, сделали крестный ход по расчищенному месту до места, где должен быть престол. А преосвященнейший Амвросий, идучи с крестом, кропил святою водою по обе стороны. Пришедши к месту склепа, все остановились. Тогда императрица с Иосифом II и светлейшим князем начали «чинно» сходить по ступенькам в самый склеп, а за ними и некоторые из знатных особ, Там все выслушали «церковное славословие, совершившееся по чиноположению»; по окончании коего преосвященнейший прочитал молитву и окропил место святою водою. Тогда императрица, перекрестившись и поклонившись на обе стороны народу, положила первый камень в основание собора, додав к тому 8 разных монет, всего на сумму 67 рублей. Это были: золотой империал 1756 года и золотой полуимпериал 1785 года; серебряные — рубль 1780 года; 25 копеек 1765 года; 20 копеек 1785 года; 15 копеек 1781 Года; 10 копеек 1769 года; 5 копеек 1745 года. Последней монеты, то есть 5 копеек, не доставало, тогда, как говорит предание, Екатерина спросила: «Нет ли пятачка?» Один из присутствующих подал пятак генералу И. М. Синельникову для передачи его царице. Все это было закрыто медною вызолоченною доскою, на которой были вырезаны слова: «Екатерина II, императрица всея России, во основание храма Преображения Спасителя нашего, первый камень положила 1787 года». Доску подал императрице кн. Потемкин.

Второй камень в основание собора положил император Иосиф II. «*Мы с императрицей Екатериной в один день совершили великое дело; она положила первый камень в основание собора, а я второй и последний*». Так прорек австрийский император после закладки собора своим приближенным. И его пророчество, как показало будущее, вполне оправдалось.

Французский посол граф Сегюр со своей стороны заметил, что в заложенном храме едва

ли когда-либо будет совершаться богослужение.

Третий камень в основание храма положил кн. Потемкин. Четвертый камень положил архиепископ Амвросий и пятый — генерал И. М. Синельников. После закладки собора великому имени синклит духовный возгласил многая лета, и всенародное «ура» при звуке колоколов, при громе огнестрельного орудия разлилось по стране пустынной. Потряслись берега Борисфена от радостного клика.

Таким образом, церемониал был окончен, место освящено, и соборный храм о 12 престолах заложен. Размеры заложенного храма архиепископ Гавриил определяет так: *«Соборная церковь мерою — в длину 71 саж., в ширину 21 саж. с аршином также. Следовательно, святилище в Екатеринославе предполагалось самое обширное в свете, с которым по пространству могла бы равняться разве одна церковь св. Петра в Риме».*

А чтобы церковь св. Петра в Риме не сравнялась с Преображенским собором в Екатеринославе, князь Потемкин при закладке его сказал архитектору: *«Прибавь один аршинчик!»* И архитектор, как гласит местное предание, и прибавил. Видимо, о такой прибавке знал и архиепископ Гавриил, потому что у него написано: «71 саж. и 21 саж. с аршином».

В то же самое время, в тот же день, час, говорит Гавриил, и город сей от уст самая императрицы получил свое наименование — назван Екатеринослав... Жители, бывшие досель в Половице, все разошлись по другим селениям на жительство, по предоставленной им указом воле, куда кто пожелает. Из них одна, большая часть, переселилась в Сухачевку, а другая, меньшая часть, перешла в Мандрыковку, в коей тогда только один козак сидел зимовником и занимался большею частью рыбною ловлею на Днепре. По прозванию Мандрыки поселившиеся около него половицкие жители называли селение свое **Мандрыковкою**.

«Именитые граждане нового города лелеяли себя мыслию, что императрица после закладки собора осчастливит их своим присутствием и разделит с ними трапезу, но оказалось, что обед для высоких особ назначен был при первой остановке после отъезда из Екатеринослава.

При выезде из Екатеринослава императрице поднесли, как изделие местной шелково-чулочной фабрики, прекрасные шелковые чулки такой паутинной тонкости, что их можно было вложить в скорлупу простого ореха. Впрочем, уже тогда же ходили слухи, что за теми чулками «светлейший» посылал заблаговременно особого фельдъегеря в Париж».

При громе пушек, при треске ружей и при восторженных кликах народа императрица Екатерина со всею своею многочисленною свитою того же дня отбыла из Екатеринослава.

Между тем оставшиеся при подножии заложенного храма, «осчастливленные лицезрением и действием монархини, как-то: знатнейшее духовенство, господа дворяне, купцы и весь вообще народ, угощаемы были служившим в особой доверенности при особе его светлости подполковником М.Л. Фалеевым; и празднество происходило, сказывают, необыкновенное. Ибо каждый не только представлял, но и уверен был, что Екатеринослав делается средоточием и силы, и богатства, и народного просвещения всего южного края, будет второй Рим, новые Афины. За несомненное событие того ручался гений кн. Потемкина».

Глава V

Тем временем императрица Екатерина, выехав из Екатеринослава, направилась в имение генерала И. М. Синельникова, которое находилось у правого берега р. Днепра, против самого большого из всех порогов — порога **Ненасытецкого**.

И. М. Синельников на всем протяжении дороги, 45 верст, по обеим сторонам ее, заблаговременно насадил в окопанных треугольниках большие кусты роз, которые к тому времени были в полном расцвете и издавали чудный аромат, а для точного следования по степи поставил по бокам дороги каменные пирамиды, так называемые в народе «мыли», начиная от самого собора г. Екатеринослава и до г. Херсона, на расстоянии 10 верст одну от другой.

В самой усадьбе И. М. Синельникова, теперь Никольском, как раз против Ненасытеца, на высоких вершинах огромных вековых скал, вдавшихся покато уступами в порог, к приезду императрицы сооружен был на казенный кошт деревянный, с открытым балконом, великолепный дворец, откуда открывался чарующий вид на дикий, грозный и величественный порог.

Во втором часу того же мая 9 дня императрица Екатерина подкатила ко дворцу. Хозяин встретил высокую гостью с хлебом-солью, а крестьяне владельца поднесли ей только что пойманного, небывалых размеров осетра.

В это же время к Ненасытецкому порогу прибыла и царская флотилия, которая расположилась у большого острова Козлового, при входе в самый порог.

Перед началом обеда Екатерина вышла на балкон дворца и приказала спускать свои галеры через Ненасытецкий порог.

Решено было сперва в виде опыта и для показания хода пустить через порог так называемый дуб и судно подполковника М. Л. Фалеева. В дуб сели пять человек рыбаков из местных крестьян И. М. Синельникова, из коих один, по фамилии Беляй, правил за кормчего.

Порог Ненасытец падает постепенно двенадцатью «лавами» или уступами.

Рыбаки бесстрашно сошли в дуб, набожно перекрестились и быстро понеслись в порог. Уже пронеслись они через одиннадцать лав, но вот на последней, двенадцатой, лаве дуб как-то сильно и неожиданно рванулся вперед, мгновенно нырнул в каскад кипучих вод и, казалось, совсем бесследно исчез под водой, а клокочущие волны Днепра в одно мгновение ока поглотили и самих пловцов...

Царица, следившая с живейшим интересом за плывшим через порог дубом, с испугом отвернулась от порога и, взглянув на князя Потемкина, с недоумением спросила его: *«Как, разве они погибли?»*. Князь сам был встревожен страшным зрелищем, но генерал Синельников, привыкший часто видеть такие зрелища на пороге и знавший хорошо ловкость и находчивость своих лоцманов, спокойно указал князю на отважных пловцов, очутившихся уже далеко ниже порога, у правого берега Днепра.

Императрица, однако, успокоилась только тогда, когда сама увидела издали пловцов. Кормчего Беляя она пожелала лично видеть. Приказано было выдать ему награду — 50 рублей золотыми.

После прохода через порог дуба пустились уже одна после другой царские галеры под управлением Каменского лоцмана Моисея Ивановича Полторацкого и его помощника кодацкого лоцмана Непокрытенко. Екатерина дивилась ловкости, искусству и неустрашимости лоцманов, препровождавших флотилию через порог.

Все суда прошли вполне благополучно через грозный и страшный из всех порогов порог. «Тогда императрица приказала светлейшему представить ей того самого лоцмана, который управлял ее судном. И когда лоцман явился, то она сама спросила его; *«Ты ли Полторацкий, атаман над лоцманами?»* — *«Я тот самый, о коем вы изволите спрашивать»*. — *«Жалую тебя, Полторацкий, за твою верную услугу поручиком. Есть ли у тебя дети?»* — *«Есть, ваше императорское величество: один сын 13 лет»*,— сказал Полторацкий. Императрица и сына изволила пожаловать прапорщиком и обещала прислать им грамоты на чины и на дворянство всему их потомству».

Нужно думать, что царица оказала свое внимание и помощнику Полторацкого, лоцману Непокрыггенко. По крайней мере, в официальном документе того же 1787 года 19 декабря он именуется прапорщиком.

Очевидец переправы царской флотилии через Ненасытецкий порог гр. Сегюр описал эту картину так:

«Мы остановились в усадьбе губернатора Синельникова. Она была расположена на берегу реки, в виду главнейшего порога, который долго считался непреодолимым препятствием для прохода торговых судов. В самом деле, Днепр в этом месте во всю свою ширину загроможден цепью скал, из которых одни в уровень с водой, а другие высятся над уровнем и местами образуют несколько столь шумных водопадов, что мы не могли расслышать слов друг друга. Поток здесь с яростью и пеною бьется о скалы. С первого взгляда кажется, что невозможно проехать между этими скалами в легком челне и самыми отважными гребцами. Однако ж невдалеке стояло на якоре большое судно и лодка, назначенные для проезда через пороги.

Князь Потемкин, принц Нассау и я хотели было отважиться на эту поездку, но нас остановило решительное запрещение императрицы.

Суда в виду нас счастливо прошли опасный пролив с быстротой стрелы. Но их так сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могут разбиться или исчезнуть в волнах; особенно мелкие лодки беспрестанно исчезали из виду. Нам сказали, что при полной воде проезд этот удобнее, особенно при помощи ловких старых запорожцев, привыкших к таким опасным подвигам. Кн. Потемкин так полагался на их опытность, что предположил спустить до Херсона все суда, на которых мы плыли из Киева до Койдак».

Оставив имение генерала Ивана Максимовича Синельникова, Екатерина со всею своею свитою к вечеру того же 9 числа мая прибыла в сел. Хортицу, принадлежавшую камергеру В. А. Черткову.

На следующий день императрица Екатерина ехала чистою степью и к вечеру прибыла в село Грушевку, имение генерал-прокурора князя А. А. Вяземского.

Мая 11 числа Екатерина была в деревне Носоковке, а вечером того же дня была уже в городе Бериславе, откуда написала в Москву генералу П. Д. Еропкину такое письмо: *«Хорошо видеть сии места своими глазами; нам сказывали, что наедем на жары несносные человечеству, а мы наехали на воздух теплый и ветер свежий, весьма приятный и самый весенний; степь, правда, что безлесная, но слой земли самый лучший и такой, что без многого труда все на свете производит; почиталась она безводною, а мы видели повсюду ручьи и реки, при которых поселений уже не в малом числе».*

Мая 12 числа Екатерина прибыла в село Никольское, имение генерала В. В. Энгельгарда, откуда проехала в село Николаевку, а оттуда в усадьбу генерала Я. Н. Репнинского, на левом берегу р. Малого Ингула, после чего того же дня прибыла в Херсон, где очень торжественно

была встречена всем населением города.

Из Херсона она писала генералу П. Д. Еропкину и в Петербург Я. А. Брюсу так:

«Дитя сие (т. е. Херсон) не существовало восемь лет тому назад. Народа здесь, кроме военных, великое множество и разноязычные с большей части Европы. Я могу сказать, что мои намерения в сем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без должной похвалы. Усердное попечение везде видно, и люди к тому избраны способные».

«Третьяго дня к вечеру приехали мы с граф. Фалькенштейном благополучно и в добром здоровье сюда в Херсон и к немалому нашему удивлению узрели прекрасного города в таком месте, где шесть лет тому назад не было ничего, кроме голой степи. Здесь не только военные, но и гражданские строения все в лучшем виде, одним словом Херсон почитать можно между самыми городами нашими лучшим. Сие дитя много обещает: где сажают, тут все растет; где пашут, тут изобилие, строения все каменные; мы жары по сию пору не чувствуем, все здоровы; здешние люди большого вида не имеют, и все колышется, людство великое и стечение людей со всех край (краев), наипаче же полуденные».

Иначе писал о всем виденном в Херсоне австрийский император Иосиф II своему фельдмаршалу Ласси: *«Херсонские укрепления выведены очень дурно, фасы очень длинны, куртны слишком коротки, фланги также, и поэтому все орудия для обстреливания фасов вытянуты в ряд вдоль этих куртн. Все верки земляные, в земле слишком много песку, обложки нет никакой, а один дерн пристаёт очень плохо. Скаты чрезвычайно круты, и так как тачки здесь очень дороги, то солдаты таскают землю на плечах в маленьких мешках и высыпают на верки не размельчая и без утрамбовки, а только разбрасывая ногами осыпанную кучку земли. Осадная артиллерия великолепна, но у них нет заммельвагонов для перевозки орудий большого размера, а также нет и десятой части необходимых зарядов и ядер и пушек. Спущенные корабли из очень сырого леса годятся только на показ. Мачты очень плохи и нет ни канатов, ни парусов; все это предполагают привезти сухим путем из Кронштадта в Херсон».*

В таком же роде писал в своих мемуарах и граф Сегюр. *«После проезда четырехсот верст по степям, нас неожиданно и приятно обрадовал своим видом Херсон. Но и без этой случайности мы не могли не дивиться, видя столько новых величественных зданий... Правда, это первоначальное, минутное удивление наше несколько охладилось размышлением. Рассмотрев Херсон вблизи и подробно, мы заметили, что его местоположение дурно выбрано, что корабли вообще не могут подыматься по Днепру иначе, как без груза, а военные суда, здесь построенные, не могут свободно спускаться по реке без помощи камелей. Не устроено ни набережной, ни пакгаузов для товаров; судебные места отправляют дела медленно и дурно, наконец, испарения болот и островов, наполненных тростниками возле города, не только вредно действуют на здоровье жителей, но нередко и смертельны. Чтобы исправить дело, князь предполагал устроить торговую часть в 30 верстах ниже по Днепру, учредить карантин, построить набережную и магазины, преобразовать суды и осушить соседние болота. Но высушка болот мне казалась невозможною: для этого нужно истребить весь тростник, необходимый для топки и покрышки домов в этом краю, где на пространстве нескольких сот верст не было лесу».*

Из бесед Иосифа II и графа Сегюра видно, что они пришли к одному заключению. Они не ожидали хороших результатов от административных мер кн. Потемкина в крае. *«Я вижу,— говорил Иосиф II гр. Сегюру,— что во всем этом более эффекта, нежели внутренней цели. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо больше умеет начинать, нежели довершать. Впрочем, так как здесь никаким образом не щадят ни денег, ни людей, то все может казаться нетрудным. Мы в Германии и во Франции не смели бы предпринять того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает, рабы работают; им или вовсе не платят, или платят мало; их*

кормят плохо; они не жалуется, и я знаю, что в продолжение трех лет в этих вновь приобретенных губерниях, вследствие утомления и вредного климата болотных мест, умерло около 50 000 человек; никто не жаловался, никто не говорил об этом... Вы видите, что здесь ни во что не ставят жизнь и труды человеческие; здесь строятся дороги, гавани, крепости, дворцы в болотах, разводятся леса в пустынях без платы рабочим, которые, не жалуясь, лишены всего, не имеют постели, часто страдают от голода».

На это граф Сегюр со своей стороны отвечал Иосифу II: *«Все здесь начинается, ничто не оканчивается. Князь Потемкин часто оставляет то, что только им было начато; ни один проект не составляется солидно, ни один не исполняется до конца. В Екатеринославе мы видели начало города, который не будет обитаем, начало церкви, в которой никогда не будет службы; место, избранное для Екатеринослава, безводное; Херсон окружен опасною болотистою атмосферою. Старались все украсить для императрицы. После отъезда ее все эти чудеса исчезнут. Я знаю князя Потемкина; его пьеса сыграна, занавес упал; князь займется теперь другими задачами или в Польше, или в Турции. Настоящая администрация, требующая постоянства, не согласуется с его характером».*

Иосиф II кончил свою беседу с графом Сепором, назвав все путешествие Екатерины II галлюцинацией.

Но Екатерина или не замечала, или не хотела замечать всех недостатков в деятельности князя Потемкина, замеченных Иосифом II и графом Сегюром.

Мая 14 дня Екатерина из Херсона ездила в имение графа А. А. Безбородко, село Белозерку, где ей и всей свите дан был блестящий и роскошный обед.

После того Екатерина снова возвратилась в город Херсон и 17 числа того же месяца, переправившись с правого берега Днепра на левый, уехала в Крым.

Июня 1 числа императрица Екатерина II, возвратившись из Крыма, прибыла в г. Берислав, где встретил ее правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор И. М. Синельников. Из Берислава Екатерина направилась уже другим шляхом, по западной окраине бывших запорожских вольностей, минуя Екатеринослав, а именно: на Новую почту, Давыдов брод, Блакитную, Шестерню, Пономареву, Кривой Рог, Евстафиевку, Анновку, Желтую, Курячу балку, Зыбкое, Онуфриевку и наконец прибыла в Кременчуг.

Из Кременчуга Екатерина направилась на Полтаву, Харьков, Белгород, Курск, Орел, Тулу. Июня 28 была уже в Москве, а июля 11 в С.-Петербурге.

Правитель Екатеринославского наместничества И. М. Синельников, проводив императрицу до конца своего наместничества, вновь возвратился к своим обязанностям, построению города Екатеринослава и заселению Новороссии.

Однако недолго пришлось И. М. Синельникову на этот раз оставаться при постройке Екатеринослава. Августа 21 числа того же года открылась вторая русско-турецкая война, и Синельников вызван был в С.-Петербург по ордеру кн. Потемкина.

Отъезжая в столицу, И. М. Синельников поручил управление наместничеством вице-губернатору Андрею Воинову и дал ему поручение: во-первых, заботиться о благосостоянии заведенных училищ; во-вторых, сохранять училищные суммы 300 000 рублей; в-третьих, отправлять к нему каждый месяц и каждую треть о том ведомости.

Между тем начавшаяся русско-турецкая война чем далее, все более и более разгоралась,

а вместе с тем строительство в г. Екатеринославе все более и более сокращалось. Указом от 20 октября 1787 года «по причине наставшей внезапно войны» повелено было определенных на строение «присудственных мест на все губернии по 20 000 руб. в каждую до будущего повеления не отпускать».

Однако, чтобы строительство г. Екатеринослава все же так или иначе продолжалось, в 1788 году издан был указ присылать для работ из центральной России на юг всех колодников, приговоренных к каторжным работам.

Тем временем И.М. Синельников из столицы вернулся в Екатеринослав и снова приступил к исполнению своих обязанностей. Однако и на этот раз он оставался в Екатеринославе недолго: кн. Потемкин снова вызвал его к себе, но уже не в столицу, а на театр военных действий, к турецкой крепости Очакову. Но здесь, при осаде русскими Очакова, Синельников был тяжело ранен в ногу и после неудачной операции, за которой следовало совсем отнятие у больного ноги, июля 29 дня 1788 года скончался, имея всего лишь 47 лет от роду. На место скончавшегося И.М. Синельникова правителем Екатеринославского наместничества 24 сентября того же года назначен был Василий Васильевич Коховский.

После отъезда кн. Потемкина на фронт и после смерти генерала Синельникова работы по сооружению зданий в Екатеринославе сразу утратили свой темп. Так, для сооружения грандиозного собора в городе в течение трех лет, то есть с 1787 по 1789 год, сделали только то, что вырыли рвы, забутили их крупным и мелким диким камнем и залили известковым раствором. На этом и окончилось все сооружение.

Декабря 21 дня 1788 года, находясь при Очакове, кн. Потемкин предписывал оттуда Екатеринославской казенной палате уплатить из губернских доходов, за счет строительной суммы, купцу Жеребцову да крестьянину Аладову за поставку извести «на строение города» да двумстам каменщикам 20 485 рублей по условию, заключенному с ними покойным правителем Екатеринославского наместничества И. М Синельниковым.

В следующем 1789 году января 21 дня кн. Потемкин также предписывал той же Екатеринославской казенной палате уплатить еще из той же строительной суммы полковому есаулу козацкого войска Гутуеву *«за поставленный им в новый город Екатеринослав на строение церкви дикий цокульный камень следующее ему число денег 8093 р., как представил о том правитель Екатеринославского наместничества»*.

Также медленно подвигалось в новом городе Екатеринославе и сооружение здания для генерал-губернатора, так называемого теперь Потемкинского дворца. Он строился также три года, то есть с 1787 по 1789 год. Но все же сооружение его так или иначе было доведено до конца, тогда как сооружение «величайшего в мире христианского храма» можно только на плане лицезреть. Место для генерал-губернаторского дворца выбрано было на берегу Днепра, против Монастырского острова, где он стоит и теперь.

Место это принадлежало «абшитованому», то есть отставному, есаулу запорожского войска Лазарю Остаповичу Глобе. **Лазарь Глоба** родился в местечке Ведмедовке Киевской губернии Чигиринского уезда, откуда ушел в Запорожье и, не будучи женатым, уже в 1743 году поселился на правом берегу Днепра, против Монастырского острова. Будучи страстным любителем садоводства, Глоба развел три сада: на Монастырском острове, на самом берегу Днепра, против острова, и внизу при слободе Половице. Вместе с тем он же устроил на Днепре четыре мельницы, поставленные — одни на камнях, другие на байдаках; кроме того, имел участок земли для обзаведения на нем двенадцати крестьянских дворов.

Своими садами Лазарь Глоба владел до тех пор, когда на месте слободы Половицы

начали строить город Екатеринослав. Князь Потемкин купил у Глобы все его сады, но за сколько, точно неизвестно. Историк Новой Сечи А. А. Скальковский говорит, что будто бы сады приобретены в 1787 — 1789 годах за 3000 рублей, но такая сумма слишком велика для того времени.

Архиепископ Гавриил говорит, что казенное ведомство заплатило Глобе за проданное им место 500 рублей. После продажи своего «майна» Глоба спустился с горы вниз, где жил при слободе Половице в насаженном им же самим саду. В 1793 году он скончался, прожив больше 100 лет, и там же был похоронен. Над ним поставлен был каменный столб вместо памятника.

Вместе с Глобой там же, на берегу Днепра, против Монастырского острова, жили еще два товарища его — бывший есаул войска запорожского Игнатий Сидорович Каплун и **Никита Леонтьевич Корж** со своими семьями. Они помещались все трое в одной хате, под одной крышей, в коей было два отделения, то есть «две избы». У Коржа, кроме того, на речке Суре был зимовник и было скотоводство там, где село Михайловка. Когда нагорное место было куплено, то все козаки-собственники «ушли отсюда по своим местам». Никита Леонтьевич Корж прожил 104 года, умер в 1835 году и был погребен в селе Сурско-Михайловке, в церковной ограде.

Устные повествования Коржа о жизни запорожских Козаков, о путешествии Екатерины II в полуденный край, о закладке собора в Екатеринославе записаны со слов его и в свое время напечатаны местным архиепископом Гавриилом Розановым, которого Корж часто посещал.

Итак, на освободившемся месте после ухода с него «абшитованных» Козаков, то есть на правом берегу Днепра, против Монастырского острова, и приказано было светлейшим князем Потемкиным соорудить генерал-губернаторский дворец.

«Дворец князя Потемкина,— говорит архиепископ Гавриил,— поставлен был на самом веселом месте, лицом прямо к Днепру, против алтаря собора, от которого ко дворцу парк из деревьев предположен».

Длиною здание со службами 55 саж., шириною по бокам 17 саж., в середине 20 саж. Низ из белого, гладкого, тесаного камня, середина и верх кирпичные, кровля тесовая.

Историк Новой Сечи и Новороссийского края А. А. Скальковский добавляет к словам Гавриила еще то, что дворец сооружен в венецианском вкусе и строился он три года — 1787 — 1789. Вокруг дворца приказано было насадить «аглинский сад». А чтобы тот сад был действительно «аглинский», для того выписан был из Лондона прославленный садовод Гульд. Деревья для сада привозились из трех мест. Из польского имения самого князя Потемкина Дубровны привезена была на барках по Днепру великая оранжерея с 29 садовниками. Из Молдавии доставлены были большие фруктовые деревья и 12 фур виноградных лоз, при которых прибыло несколько человек болгар, искусных виноградарей. Из казенного сада, который был в г. Кременчуге при наместническом дворце, правитель Екатеринославского наместничества В. В. Коховский октября 2 дня 1789 года по ордеру «светлейшего» приказал городничему города Градижска Адлерштралю перевезти лошадьми из Кременчуга в Екатеринослав казенный фруктовый сад, то есть все яблони, вишни, груши, грецкие орехи, виноградные лозы. Ведено было выкопать из земли, нагрузить на подводы и «без замедления» отправить в Екатеринослав.

Октября 4 дня того же 1789 года В. В. Коховский писал князю Потемкину донесение: *«Во исполнение повеления вашей светлости аглинский сад в городе Екатеринославе господином Гульдом и отделяется и насаждается. Деревья из Кременчуцкого сада привезутся, о чем в покорности моей донести честь имею».*

Автор книги «Столетний юбилей Екатеринослава» К. Н. Корольков, описывая дворец кн.

Потемкина, говорит: *«Вокруг дома находился обширный редкий сад, в котором было две оранжереи: одна ананасовая, другая же состояла из лавровых, померанцевых, лимонных, апельсиновых, гранатных, финиковых и других иностранных деревьев; ветви некоторых деревьев простирались во все стороны на несколько десятков аршин».*

В настоящее время в нашем распоряжении имеется более подробный список деревьев, находившихся в оранжерее «аглинского» сада при дворце генерал-губернатора. В 1797 году «в казенной ранжерее», которая имеет с теплицами 15 саж., всех деревьев 507. Они таковы: лавры, померанцы обыкновенные, померанцы дикие, померанцы аранские, апельсины, помаданы, лимоны, кателеры, фиги, миртусы, лаврусы, цынусы, розаны, гранаты, таксы, флюсы, пансонисы, ананасы, жасмины, цересы, цыпрезусы, пуртулаки, персики, абрикосы. При этом некоторых деревьев по одному экземпляру, а некоторых больше ста, как, например, диких померанцев 191 дерево.

Сколько было деревьев, росших на открытых местах, и какие то были деревья, неизвестно. После кончины кн. Потемкина, когда возник вопрос о том, сколько после него неоплаченных долгов, то между разными взыщниками уплаты денег английский садовод Гульд заявил, что ему по двум счетам следует получить 19 207 рублей и 73 копейки за семена и земледельческие инструменты, вывезенные им из Лондона, да за лечение ноги, которая была сломана в бытность в Екатеринославском наместничестве, да еще за обещанную светлейшим князем со ста душ деревню. На том же заявлении, сбоку, приписано контролем: *«За инструменты и семена 4282 р. 22 к., за излечение ноги 2425 р. 51 к., 12 500 р. за обещанную деревню предоставляется вышнему рассмотрению».*

Строителем генерал-губернаторского дворца и всех других больших казенных зданий в новом городе Екатеринославе назначен был императрицею Екатериною архитектор М. Ф. Казаков, лучший из русских зодчих конца XVIII столетия, показавший всю силу своего грандиозного таланта при сооружении здания сената. Казаков, по выражению его биографа, рассказал славу Екатерининского царствования. Сперва он был командирован в г. Екатеринослав I, основанный губернатором В. А. Чертковым при впадении речки Кильчени в речку Самару, «для исправления порученного дела». Но там сильно заболел и принужден был вернуться в столицу. Теперь Казаков прибыл уже в новый Екатеринослав, заложенный в здоровом месте, у правого берега Днепра, против Монастырского острова, для возведения в нем различных зданий.

Но и на этот раз пребывание М. Ф. Казакова в Екатеринославе было непродолжительное: началась русско-турецкая война, и он едва успел соорудить каменный одноэтажный дворец для генерал-губернатора, как был отозван в столицу, и «все мечты его остались лишь в одном начертании».

Ни императрица Екатерина, ни князь Потемкин никогда не видели в Екатеринославе генерал-губернаторского дворца, потому что в 1787 году, когда закладывался новый город Екатеринослав в присутствии Екатерины и князя Потемкина, дворца еще совсем не было. В «Журнале путешествия императрицы Екатерины II», где всегда и все с точностью записывалось, куда выезжала или куда выходила царица, кого принимала и что говорила на приеме, ни слова не говорится о том, чтобы она после 1787 года вновь предпринимала поездку по Новороссийскому краю и вторично посетила город Екатеринослав. Нигде не говорится о том же и про князя Потемкина. Все внимание было обращено в то время на вновь возгоревшуюся войну между Россией и Турцией, во время которой фельдмаршал князь Потемкин оказался далеко не на высоте своего положения.

Чем больше разгоралась русско-турецкая война, тем больше сокращалось строительство в Новороссийском крае, в частности в г. Екатеринославе. Князь Потемкин, находясь на фронте,

время от времени посылал из ставки разные приказы на имя правителя Екатеринославского наместничества Василия Васильевича Коховского. Со своей стороны Коховский отправлял рапорты «светлейшему» о разных делах и событиях в крае.

В 1791 году В. В. Коховский между прочим доносил князю Потемкину о некотором затруднении, возникшем в г. Новомосковске при выборах членов в состав городского магистрата; это касалось также и городского магистрата в г. Екатеринославе. В чем состояло затруднение, видно из ответа Потемкина Коховскому:

«Ваше превосходительство рапортом представляете мне, что по случаю отделения на козацкую службу мещан, а купцов за переходом в город Екатеринослав, в Новомосковске остаются одни отлучные, составляющие самое малое число, а потому, при учиненных на трехлетнее служение выборах, потребных в Новомосковский городской магистрат судей избрать было не из кого. Напротив того в Екатеринославе хотя и числится по книгам 280 душ граждан к составлению магистрата, советного и сиротского судов, но на открытие повеления не имеется, то в таком случае господин вице-губернатор Тибекин предписал екатеринославскому магистрату перевести городской магистрат из Новомосковска в Екатеринослав, именуя его, до особого от начальства разрешения, новомосковским же и наполнить оный положенными по штату чинами из граждан екатеринославских. Ваше превосходительство, находя и с своей стороны, по изъясненным обстоятельствам, лучшею выгодой как для производства дел, так равно и для граждан магистрату подсудимых, помянутый городской магистрат, приведенный из Новомосковска в Екатеринослав, навсегда с наименованием оного екатеринославским испрашивает на то моего повеления. Я, будучи с мнением вашим согласен, утверждаю оное и для того предписываю от ныне новомосковский городской магистрат именовать екатеринославским. Яссы, сентября 10 дня».

Это последнее было распоряжение кн. Потемкина, касавшееся города Екатеринослава.

Находясь все в той же столице Молдавии Яссах, кн. Потемкин вел долго переговоры с турецким послом о мире между Россией и Турцией. Уже несколько дней перед тем он чувствовал недомогание. Октября 5 дня 1791 года он покинул город Яссы и направился в город Николаев. Но проехав всего лишь 40 верст от Ясс, почувствовал себя очень плохо и принужден был остановиться среди безлюдной и дикой степи. Его вынули из коляски и положили на траве. Два врача, находившиеся при нем, бросились к нему с разными медикаментами. Но медикаменты не спасли больного, и он неожиданно для всех скончался на месте.

Весть о внезапной и непредвиденной кончине всесильного и своенравного фаворита царицы зловеще пронеслась по всему краю. Все сразу почувствовали, что смерть есть начало конца всех широких и грандиозных его замыслов в крае.

И в самом деле, скоро, императрица Екатерина II повелела правителю Екатеринославского наместничества В. В. Коховскому прислать ей в столицу план города Екатеринослава, а вместе с планом представить подробные сведения о числе всех казенных и частных сооружений в городе и в них жителей всякого состояния. План, рассмотренный и переделанный заново, возвращен был назад. Средств для сооружения новых зданий не было пока указано.

Что же произошло в это время в столице? Еще при жизни князя Потемкина Екатерина приблизила к себе молодого, очень красивого, но не блещущего никакими талантами поручика конной гвардии Платона Александровича Зубова. Из поручиков он быстро был произведен в высшие военные чины, возведен в графское, потом княжеское достоинство, наделен громадными поместьями с десятками тысяч крепостных людей. После смерти князя Потемкина он сразу назначен был генерал-фельдцейхмейстером, Новороссийским генерал-губернатором и начальником черноморского края.

Чем же ознаменовалось управление графа П. А. Зубова Новороссийским краем?

Прежде всего нужно сказать то, что граф Зубов управлял Новороссийским краем, никогда не выезжая на юг из столицы. Очевидно, он был нужен больше для самой царицы, нежели для края. Затем Зубов, как человек недалекого ума, мало сведущий, бездеятельный, никогда не выдавший края, не мог внести в управление ничего нового, самобытного.

Первое, чем приветствовал Новороссийский край графа Зубова, это был голод в 1794 году, названный официально «недостатком пропитания населения». О том сообщил графу Зубову новый правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор И. И. Хорват. Со своей стороны граф Зубов доложил императрице Екатерине, после чего уже он сам от себя послал Екатеринославской казенной палате «предложение».

«На представление мое об оказавшемся в Екатеринославской губернии недостатке в пропитании, отбывшего тамо повсеместного неурожая, и на мое же представление о способах, коими я предполагал отвратить сей недостаток, ко мне последовал в 19 день месяца декабря именной высочайший ея императорского величества указ, копию с коего при сем посылаю Екатеринославской казенной палате. Мне позволено употребить денежную сумму из доходов Екатеринославской губернии и Таврической области, сколько необходимо потребуется, как на закупку хлеба, так и на перевозку провианта в разные места, коих жители сами доставить оного себе будучи не в состоянии. То и имеет палата, на сказанное употребление, по получении сего, из доходов своих, отпустить 50 000 рублей к правителю Екатеринославской губернии господину генералу-майору и кавалеру Хорвату, коему поручено от меня по сему указу исполнение, а когда оные деньги отпущены будут, меня уведомить. Граф Платон Зубов. В Санктпетербурге декабря 21 дня 1794 года».

В «Ведомости о произведенных Екатеринославою казенною палатою расходах сверх росписаний в 1794, 1795, 1796 годах» написано: «На закупку и доставку в подлежащие места хлеба к продовольствию обитателей Екатеринославской губернии по случаю бывшего в 1794 году в тамошнем краю неурожая, выдано было 27 155 р. 85 коп.».

Нужно думать, что эта денежная сумма выдана была как добавление («сверх росписи») к выданной раньше сумме 50 000.

В том же 1794 году граф Зубов с высочайшего соизволения писал Екатеринославской казенной палате новое «предложение» — отпустить 45 055 руб. на сооружение в городе Екатеринославе малой каменной церкви и 1075руб. на содержание Екатеринославской верфи.

Город Екатеринослав, основанный в 1787 году, после того в течение семи лет был, можно сказать, недоступен ни для пешего, ни для конного, ни с той, ни с другой стороны, вследствие того, что не имел моста через р. Днепр. Только в 1794 году сентября 30 дня дан был высочайший на имя графа Зубова указ «О переведении из Кременчуга и устройении в Екатеринославе моста». Со своей стороны граф Зубов послал от себя приказ о том же правителю губернии генерал-майору Хорвату. Для принятия того моста посланы были в Кременчуг от Екатеринославской казенной палаты советник и архитектор. По оценке этих лиц, за мостовые припасы, яко то: пленицы, якори, кайат, порьмы, дыбы и разные инструменты — 17 020 руб. 47 коп. Да кроме того, за приготовляемые к оному мосту новые материалы — 7575 руб. да за препровождение того моста перевозных судов и всех к оному принадлежностей — 3280 руб.

Граф П. А. Зубов, по-прежнему сидя в столице и никогда не выезжая из нея, не имея никакого представления о крае, которым он управлял как генерал-губернатор, составил доклад

и подал его Екатерине — ввиду удобства управления обширным Новороссийским краем основать новую губернию и назвать ее Вознесенскою с губернским городом Вознесенском.

Доклад был принят вполне благосклонно, и на него последовал высочайший указ. «Генерал-фельдцейхмейстеру, Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому генерал-губернатору графу Зубову в 27 день генваря 1795 года в Санктпетербурге. Разсмотрев поданный от вас в 18 день генваря сего года доклад со всеми приложениями и быв согласны..., возлагаем на вас воздвигнуть и устроить губернский город сего наместничества вдоль реки Буга, в окружностях местечка Соколов, под именем Вознесенска, где повелеваем заложить и воздвигнуть соборный храм, во славу имени вознесения Господня, именуя и губернию Вознесенскою».

Как раньше на князя Потемкина, так после него на графа Зубова Екатерина в своем ослеплении возлагала большие надежды на то, что новую Вознесенскую губернию и весь Новороссийский край он поднимет на уровень самого высокого благоустройства.

Город предполагалось построить в очень больших размерах. В нем должны быть дома — для генерал-губернатора, губернатора, архиерея, также училища, казармы и другие, а прежде всего храм вознесения Господня. Главным начальником всех строений назначен был правитель Екатеринославской губернии генерал-майор Иосиф Иванович Хорват, архитектор инженер-полковник де Волан и при нем офицер Андрей Шостак.

На производство требовалась, по представлению графа Зубова, сумма денег 3 000 000 рублей, и Екатерина утвердила.

Но откуда же добыть такую большую сумму денег?

«Что касается сумм, потребных на устройство всех частей сей новой губернии,— писала сама Екатерина,— на строение губернского города, в нем соборной церкви, присудственных мест, заведения внутренних пристаней, магазинов и лавок для обозрения и распространения торгов и промыслов, также во всех городах присудственных мест и уездных кладовых, а равно карантинных, таможенных и других, то разсудили мы повелеть нашему фельдцейхмейстеру и Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому генерал-губернатору графу Зубову употреблять на все сие остатки доходов порученных ему губерний в течение 10 лет, сколько за удовлетворением положенных по штатам и прочим нужным по губерниям тем расходам собраться может, предоставляя все те доходы единственному его распоряжению, и предписав в начале каждого года представить на утверждение наше предполагаемое им расписание сумм на тот текущий год, а при окончании подавать нам обстоятельные отчеты о употреблении оных и о успехах оными произведенных».

Первым губернатором Вознесенским был назначен князь Петр Оболенский. Ввиду отсутствия генерал-губернатора всего края П. А. Зубова первоприсутствующим всех правительственных учреждений трех губерний и начальником козачьих войск считался генерал-майор Хорват.

Сумму денег на расходы по поводу торжества открытия новой губернии назначила сама Екатерина из доходов Екатеринославской губернии. На посылку ко двору курьеров и на отправку нарочных для открытия уездов — 5 000 руб, Правителю Екатеринославского наместничества генерал-майору Хорвату на его собственные расходы — 6 000 руб. Всего 11 000 руб. Митрополиту Екатеринославскому и Херсоно-Таврическому, имевшему присутствовать при открытии губернии — 1 000 руб. На уборы присудственных мест Вознесенской губернии — 5 000 руб. Стихийные бедствия, то есть повсеместный неурожай, а за ним и голод, поразившие край в 1794 году, давали себя знать и в начале 1795 года. В

минушем 1794 году декабря 21 дня выдано было из Екатеринославской казенной палаты на продовольствие населению 50 000 рублей, но, видимо, такая сумма денег оказалась недостаточна, а потому в наступившем 1795 году февраля 17 дня по «предложению» из столицы генерал-губернатора графа Зубова на руки правителя наместничества генерал-майора Хорвата выдана была из той же казенной палаты сумма денег 100 000 руб..

Что сделал в это время генерал-губернатор граф Зубов собственно для города Екатерине слава, это видно из «Ведомости о произведенных Екатеринославною казенною палатою расходах сверх росписаний в 1794, 1795, 1796 годах».

По представленному счету от генерал-губернатора графа Зубова и по предложению генерал-прокурора графа Самойлова, марта 1 дня 1794 года была переведена суконная фабрика из Могилевской в Екатеринославскую губернию. На устройство той фабрики и «снабжение» шелково-чулочной— 101 171 руб.

При екатеринославских фабриках построен был дом для директора со всеми к нему службами; куплено место, лежащее между городским форпостом и фабриками, с фруктовыми деревьями, для шелково-чулочного сада. Всего заплачено 11 814 руб. 25 к. Сверх того куплено другое место для шелково-чулочного сада. Заплачено 3000 руб. За купчую — 165 руб. 22 коп. Кроме того, на построение двух связей при суконной фабрике для шелково-чулочной фабрики. Заплачено всего 13 054 руб. 70 коп.

К той «Ведомости» приписано еще «примечание»: На переведение означенной фабрики и устройство оной, равно и шелково-чулочной и накопление капиталами оных отпущено в разные времена по именным указам: от 8 мая 1792 г. бывшему вице-губернатору Тибекину из заемного банка 200 000 р., 30 мая 1793 г. бывшему губернатору Коховскому из Екатеринославской казенной палаты 50 000 р., 1 марта 1794 г. из заемного банка бывшему генерал-губернатору князю Зубову 64 386 р. 78 коп. На перевоз из Могилева суконной фабрики 30 000 руб... Из Екатеринославской казенной палаты в капитал чулочной фабрики в училище внутреннего суконной фабрики производства остальных, всего 101 171 — 151 171 руб.

В 1795 году октября 2 дня по высочайшему рескрипту выдано было из казенной палаты генерал-губернатором князем П. А. Зубовым из числа назначенных на 1796 год 200 000 рублей — на покупку дров для топления казенных домов, на строение церкви для кладбища, на перевозку в Екатеринослав деревянной церкви из упраздненного Сокольского монастыря и на жалованье чинам экспедиции строения городов — 15 388 руб.

Какие «доклады» преподнес бы в дальнейшем князь П. А. Зубов царице Екатерине и насколько те «доклады» были бы полезны и необходимы для края, неизвестно, потому что наступивший 1796 год положил конец всем его планам и предприятиям: в этом году 6 ноября внезапно скончалась императрица Екатерина II.

«Плачьте, кремнистые берега Борисфена, рыдайте, быстротекущие воды Буга! Сердобольная мать, преимущественно о вас попечение имевшая, переселилась от временной жизни в вечную!» — воскликнул екатеринославский архиепископ Амвросий.